

ЦЕЛЕВЫЕ ВКЛАДЫ НА ДЕТЕЙ

● Каждый гражданин может открыть в Сберегательном банке счет на ребенка, которому еще не исполнилось 16 лет, и регулярно его пополнять.

● Если вклад хранился в банке 10 лет и вкладчик достиг 16-летнего возраста, доход выплачивается из расчета 4 процентов годовых.

● Дополнительные взносы принимаются в любых суммах как наличными деньгами, так и безналичным путем. Частичная выдача сумм из вклада не производится.

● Путем взносов на счета по целевым вкладам на детей родители, бабушки и дедушки или другие близкие люди могут накопить сбережения, которые окажут содействие подрастающему поколению при вступлении в самостоятельную жизнь.

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК СССР К ВАШИМ УСЛУГАМ!

ISSN 0132-2095. Б-ка «Огонек». 1990. № 9. 1—48.

№ 9

ОГОНЁК

1990

Михаил УСПЕНСКИЙ

**ИЗ ЗАПИСОК
СЕМЕНА КОРЯБЕДЫ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 9

Издается с января 1925 года

Михаил УСПЕНСКИЙ

ИЗ ЗАПИСОК
СЕМЕНА КОРЯБЕДЫ

РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Михаил УСПЕНСКИЙ

Молодой прозаик из Красноярска Михаил Успенский привлек к себе внимание уже первыми публикациями в начале 80-х годов. Его короткие рассказы, виртуозные по стилю, блестящие фантазией и остроумием, сразу были замечены читателем и критикой, выделены на I Всесоюзном совещании молодых сатириков и юмористов. В 1988 году Красноярское книжное издательство выпустило первую книжку Михаила Успенского «Дурной глаз». В настоящий сборник вошли как ранние рассказы писателя, так и новые, многие из которых впервые были опубликованы в журнале «Огонек».

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Писательская судьба Семена Тимофеевича Корябеды не желает укладываться в обычные рамки. Составить сколь-нибудь связную и убедительную биографию его не представляется мне сейчас возможным. Здесь необходим литературовед-энтузиаст вроде Ираклия Андроникова. Если найдется энтузиаст, решивший всю жизнь посвятить творчеству Семена Корябеды,— что ж, в добрый час.

В течение ряда лет С. Т. Корябеда был моим соседом по лестничной площадке. Как часто бывает в современном городе, мы были знакомы шапочно.

Описывать внешность Семена Тимофеевича тоже не берусь. С одной стороны, он вроде бы походил на артиста Леонова, а с другой — вроде бы на артиста Тихонова. Можно было заметить в нем сходство и с другими мастерами театра и кино. Если фотографии всех артистов взять и совместить, то этот фоторобот и будет вылитый Семен Корябеда.

Так вот, Семен Корябеда. Однажды часа эдак в два ночи в моей квартире раздался звонок. Это жена Корябеды, Ассоль Евсеевна, пришла поискать своего мужа: не зашел ли он, часом, ко мне? Семен же Тимофеевич ко мне никогда в жизни не заходил. Нет, вру, заходил. За спичками заходил. Но это когда еще было!

Ассоль Евсеевна, плача, рассказала, что среди ночи Семен Тимофеевич услышал звон. Желая узнать, откуда он раздается, Корябеда в одном спортивном костюме вышел во двор, прихватив на всякий случай мусорное ведро: вдруг это приехала в неурочное время мусоровозка и теперь колокольчиком призывает жильцов. Прошел час — Корябеда не возвращался. Встревоженная Ассоль Евсеевна и сама вышла из подъезда. Во дворе не было ни мужа, ни поганого ведра. Вот она и пришла ко мне — может, я что-нибудь знаю?

Но я ничего не знал и не знаю до сих пор. Куда мог исчезнуть человек в тренировочном костюме, домашних тапочках на босу ногу с ведром, полным мусора? Злые языки поговаривали, что Семен-де Тимофеевич решил вынести сор из избы как можно дальше, вот и пропал.

Несколько часов мы обзванивали пункты «скорой помощи», вытрезвители, морги. Нигде Семен Тимофеевич не объявлялся. Жена подала заявление, стали искать его с милицией.

А потом пропала и сама Ассоль Евсеевна. Правда, только на несколько дней. Оказывается, она ездила на станцию Астапово — спрашивала у начальника станции, не заходил ли к нему ее муж.

Перебирая вещи Семена Тимофеевича и поливая их слезами, Ассоль Евсеевна однажды обнаружила пакет. В пакете находилось своеобразное завещание — видно, Корябеда наперед знал, что придется ему услышать среди ночи таинственный звон...

Все свои бумаги, документы, архивы — все, что находилось в рабочем кабинете исчезнувшего, — завещалось, представьте, мне «как человеку, не чуждому литературных занятий».

Забыл сказать, что Семен Корябеда, по уверению его жены, работал Генеральным Конструктором на заводе безынерционных механизмов. Между тем общественность завода не позаботилась узнать, куда подевался ведущий специалист. Именно так обстоит дело на этом заводе с чуткостью и отзывчивостью.

По другим сведениям, Семен Тимофеевич был шофером такси, по третьим — простым грузчиком в магазине «Дефицитные товары». Кто-то из соседей припомнил, что летел в самолете, который вел пилот первого класса Корябеда. А один молодой человек с первого этажа, недавно вернувшийся из рядов армии, уверял, что Корябеда — генерал-майор и два раза приезжал к ним в часть с проверкой.

Все эти странности объяснились (впрочем, объяснились ли?), когда я переступил порог рабочего кабинета Семена Тимофеевича. Ассоль Евсеевна сказала мне, что я могу быть тут полным хозяином, поскольку она, верная данной некогда мужу клятве, в кабинет войти не может.

Одну стену в комнате занимал платяной шкаф, необычно длинный. Не знаю, почему, но я первым делом отворил этот шкаф. И обомлел. На легких пластмассовых вешалках здесь висели и добротный габардиновый костюм-тройка, и кожаная куртка, и халат врача, и генеральский мундир, и мундир главного лесничего, и шахтерская роба, и мундир старшего советника юстиции, и джинсовый костюм, и скафандр космонавта, и простая телогрейка... Этого добра хватило бы целому театру, чтобы играть пьесы из современной жизни. Впрочем, не только современной — в специальном отделении висели древнегреческие одежды хитон и гиматий.

Мало того: в карманах всех этих пиджаков, курток, кителей и скафандров находились документы, подтверждающие, что Семен Тимофеевич — действительно пилот первого класса, главный лесничий, солист вокально-инструментального ансамбля «Голосок», генерал-майор и летчик-космонавт. Только в кармане телогрейки хорошего документа не было, а была справка об освобождении.

Остальные стены были заняты стеллажами. Ни одной книги на них не было, были только тонкие школьные тетради — сотни, а может быть, и тысячи желтых тетрадок, украшенных портретом путешественника Пржевальского. Так выглядело литературное наследие Семена Корябеды...

Работать с его рукописями было необычайно трудно. Во-первых, Семен Тимофеевич, уподобясь Леонардо да Винчи, писал справа налево, так что читать приходилось с зеркалом. Во-вторых, Семен Тимофеевич, уподобившись переписчику «Слова о полку Игореве», писал не разделяя слов. В-третьих, Семен Тимофеевич, уподобившись Гришке Распутину, воспроизводил слова так, как они произносятся. В-четвертых, Семен Тимофеевич, уподобившись я уж не знаю кому, не удосужился пронумеровать свои тетрадки. Немудрено, что за три года я сумел разобрать, собрать в систему и прочесть едва ли десятую долю написанного Корябедой.

Как я понимаю, автор задумал эпопею в две тысячи печатных листов. Из этого цельного произведения мне удалось вычленить несколько десятков фрагментов, могущих иметь самостоятельное значение. Пришлось основательно поработать над этими своеобразными новеллами. Много хлопот доставило мне неприличное выражение «паразит», которое автор употреблял за каждым словом. Чрезвычайно трудно было расставлять знаки препинания и социальные акценты. Сейчас я решился представить читателю плод моих трудов. Пусть читатель сам даст оценку этому феномену. Останется ли он очередным литературным курьезом или вызовет к жизни когорту будущих корябедоведов?

С легкой душой выпуская в свет эту рукопись, я все же часто думаю о необычной судьбе автора. Кем же был Семен Корябеда в действительности? Может быть, его, как и многих его героев, коснулась тень Необычайного и он получил возможность прожить несколько жизней зараз? И какие горизонты и дали открылись перед ним, когда он решился узнать — откуда звон?

В заключение мне остается только привести фразу, которая написана на обложке каждой тетради рукой Семена Корябеды:

АВТОР СЧИТАЕТ СВОИМ ДОЛГОМ ПРЕДУПРЕДИТЬ
ЧТО ВСЕ СОБЫТИЯ В РУКОПИСИ ВЫМЫШЛЕННЫ
А ИМЕНА И ФАМИЛИИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ
РАВНО КАК И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ
ОСТАВЛЕНЫ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЯ

СОЛОВЬИ ПОЮТ, ЗАЛИВАЮТСЯ

Отменно странное происшествие, имевшее быть в уездном городе N, что находится всего в ... верстах от Санкт-Петербурга, до сих пор еще не описано ни в «Северной пчеле», ни в «Московском телеграфе» по причинам известным. Сколь далеко ни заносился бы ум человеческий

в потугах постичь миропорядок, ничего доброго оттого не происходит; единственно лишь неприятности.

За давностью лет происшествие, о котором мыслю поведать, в умах и памяти невольных его участников стерлось совершенно. Оно и к лучшему: будет меньше поводов для двусмысленных толкований, к чему приохотились нынче столичные журналы. Предлагаю благосклонному читателю эту странную, но поучительную историю, могущую, несомненно, послужить к исправлению умов и смягчению нравов.

* * *

В некоторый день августа месяца статский советник Платон Герасимович Головачев возвращался из присутствия в собственный дом, причем шел пешком по своему обыкновению. Августовский вечер, как водится это в тихих городках наподобие нашего, дышал весь прелестью и покоем. Мещанские куры, крашенные для различия ализариновою краскою, снискивали ежедневного пропитания в плодах, именуемых в простонародье конскими яблоками. Подошед к воротам дома своего, статский советник заметил несообразное, а именно: перед воротами стояла телега — прямая безобразная мужицкая телега, которой никак не место у ворот такого значительного по уездным меркам лица, каков был Платон Герасимович. У телеги стоял крестьянин самого подлого вида и приглашающе манил Платона Герасимовича предерзкой своей рукою.

— Тебе, любезный, чего? — спросил Платон Герасимович, желая более наkostenять мужику по шее, нежели с ним пререкаться.

— От дядюшки вашего, — отвечал мужик, смущенно царапаясь пальцем в бороде. — Их, стало быть, Бог прибрали, а это велено передать вам прямо в ручки.

При этих словах мужик указал на обитый рогожей ящик.

— Какой дядюшка? У меня нет никакого дядюшки, — возразил Платон Герасимович, изумленный до крайности. — Ты, мужик, говоришь вздор, да ты лжешь! Тебя надобно к квартальному!

— За труды, барин, полагается, — сказал мужик, потирая пальцами, как делает обыкновенно низшее сословие, желая получить несколько денег.

— А вот мы тебя проверим! — сказал Платон Герасимович и протянул к мужику руки, мысля ухватить. Но вместо мужика в руках у него вдруг очутился обитый рогожею ящик, а сам мужик, вскочив в телегу, хлестанул лошадь и покотил по улице.

— Экий, — только и произнес Платон Герасимович. Ящик был тяжеленек. — Верно, свинцовых жеребьев прислал поручик Дудаков для смеху! Вот каналья! Ну, уж я удержу над тобой шутку горшую — отобью у тебя актерку твою французенку да напишу пашквиль!

Положив наперед так и сделать, Платон Герасимович кликнул Матвейку и велел ему нести ящик в дом.

Отодрали рогожу — под ней, точно, был ящик, но не такой, в каких обыкновенно перевозят винные бутылки либо картины, напротив — и, полноте, ящик ли это был? Никогда до сей поры не видывал Платон Герасимович таких ящичков. Две боковые стенки и крышка его были забраны красным деревом превосходнейшей полировки, одна стенка — дырчатым бристольским картоном, а еще другая — стеклом серо-зеленого цвета. На крышке, кроме того, имелись пуговики с надписями.

— Не пожалел ведь каналья поручик денег! — заметил сам себе Платон Герасимович. Отослав Матвейку готовить ужин, он вооружился очками и принялся осматривать ящик со всех сторон, ища потайного замка.

— Воображает, подлец, что оставил меня в дураках. Прислал, наверное, уroda в спирту и смеется сейчас в трактире Анисимова. Смейся, смейся, подлец! Таково ли будешь смеяться, когда афронту получишь от своей француженки! Для чего же, однако, эти надписи?

Надписи и вправду были пречудные. На дощечку прикреплена была черная пластина с серебряными буквицами: «Горизонт». Слово «горизонт» совершенно лишено было твердого знака. Противу каждой пуговики имелись надписи же, выполненные твердой, но безграмотной рукой.

— Частота строк, — читал Платон Герасимович. — Вкл. Что за вкл? И от чего частота?

Шутки разного рода были в ходу у провинциального общества: в прошлом году, например, на святки, в возок квартирмейстера егерского полка подбросили дохлого борова с намеком, потому что у борова углем были намалеваны доподлинно квартирмейстерские усы; или подговорили мастеровых в день тезоименитства престарелого князя Рюхина кричать ему фетюка. Да мало ли что выдумает праздный ум! Прodelка же с ящичком, однако, превосходила все виденное Платоном Герасимовичем.

— А отвезу я этот ящик прямо к предводителю, — мыслил вслух статский советник. — И мы разберемся там, что это за ящик. Зачем это — ящик?! И отчего — «горизонт»?!

Любопытство все же превозмогло необходимую осторожность. Платон Герасимович крутил все рычажки и кнопочки; наконец, под пальцами у него раздался щелк. Внезапный страх охватил Платона Герасимовича: ящик издавал точно такой звук, какой издает потревоженный пчелиный рой. Головачев ужаснулся коварности канальи поручика, собрался бежать из комнат и крикнуть людей, но силы оставили его, и он уселся прямо в панталонах и башмаках противу стекла. Стекло меж тем засветилось голубым светом, и за ним оказались не пчелы, как ожидал того пораженный Платон Герасимович, но человеческие фигурки напо-

добие тех, какие можно наблюдать во всякий базарный день у раешника.

— Ах, так это раек! — сказал Платон Герасимович и несколько обиделся даже, что не пчелы. — Однако откуда же свет? Так недолго и до пожара!

Фигурки за стеклом представляли нескольких молодых людей в шитых золотом костюмах и с гитарами на манер цыганов; в отличие же от райка они перебирали пальцами по струнам и открывали рты. «Дорогонько стоит, — подумал Платон Герасимович. — Нет, это не поручик Дудаков. Это рублей сто, не менее того». Он принялся ждать, когда в игрушке кончится завод, и покрутил еще рычажки. В тот же миг звуки ужасной силы наполнили комнаты; с трудом догадался статский советник, что это была песня. Напев, однако же, был совсем не цыганский. Головачев еще покрутил — певцы запели несколько тише. Из кухни тем часом прибежал Матвейка, так что Платон Герасимович едва успел набросить на ящик рогожу.

— Я чайл, барин, вас тут режут, — простодушно сказал слуга. — Изволите отужинать?

— Вздор какой, — сказал Платон Герасимович. — Кто меня в собственном доме может резать? Ужин подай сюда. Да пособи этот ящик поставить на комод.

Матвейка поспешил исполнить сказанное. На округлом крестьянском лице его выказалось недоумение.

— Он, чать, поет! — сказал слуга, указуя на ящик.

— Вестимо, поет, — ответил Головачев. — Да чего же ему не петь, коли он музыкальный ящик? Подай ужин и ступай.

К ужину тем не менее Платон Герасимович так в тот вечер и не прикоснулся, занятый необыкновенною игрушкою. Следом за цыганами появилась певица в балахоне и по-русски запела, что она совсем не певица, но Арлекин и должна смешить людей. Арлекина Головачев видывал на гастролях заезжей труппы; певица нимало не напоминала его.

— А она ничего, — сказал Платон Герасимович и сделал пальцами в воздухе этакую фигуру.

С некоторых пор сослуживцы в присутствии стали замечать за Платоном Герасимовичем странности: он начал чураться холостяцких пирушек двадцатого числа и в иные дни; дамы, всегда знавшие его за великого угодника своего пола, дивились его холодности. Весь день в присутствии он сидел как бы на угольях, а окончив работу, мчался домой в коляске, изменив своему обыкновению. Иные полагали, что Платон Герасимович влюбился, другие говорили, что увлекается он немецкой философией и мартинизмом...

Все вечера до глубокой ночи проводил Платон Герасимович в своем кабинете. Невоздержанный его Матвейка болтал между своих товарищей, что из кабинета барина доносятся песни и музыка, а подчас выстрелы и даже канонада. Страх перед ящиком покинул Платона Герасимовича совершенно. Он научился обращаться с дьявольским подарком так же ловко, как понаторевший мастеровой со станком своим. Скоро он даже стал разбираться, в какой день недели и в какой час может увидеть за стеклом шансонеток, когда — нескромный водевиль, когда — послушать учёного человека о таинствах природы. Более же прочих зрелищ полюбились ему молодецкая игра, заключающаяся в метании по льду черной коробочки, должно быть, из гуммиластика. Сам конькобежец изрядный, Головачев надивиться не мог той стремительности, с какой играющие носились по льду. Иных игроков он знал уже по имени и громко приветствовал, когда появлялись они за стеклом.

Читатель вправе удивиться: отчего Платон Герасимович не задумывался над природой чудесного ящика? Да почему же не задумывался, очень задумывался. По зрелом же размышлении пришел к мысли, что от дум его все равно ничего не изменится.

Иногда, впрочем, странности его сказывались несколько более явно. Так, например, пришед утром в присутствие, он обратился к окружающим его чиновникам с вопросом: «А что, господа, довольно мы вчера назвали шведа?» Когда же стали спрашивать его: — какого шведа? за что? — он сказался больным и ушел домой. Или в другой раз, будучи приглашен на ужин к предводителю, принялся рассказывать, будто в английской столице Лондоне из пробирки родилась девочка и чувствует себя отменно. Анекдоту этому изрядно посмеялись, потому что англичан давно все знают за записных чудаков и пьяниц — отчего бы им и взаправду не завести дитя в пробирке? Более же всего он удивил в тот раз общество своим музицированием. И до того Платон Герасимович блистал в салонах, исполняя италийские романсы; сейчас же, сев за клавикуды, он изобразил необычайно живую пиесу, или скорее, куплеты, в которых были такие слова:

Соловьи поют, заливаются,
Но не все приметы сбываются.
А твои слова не забудутся,
Сбудутся, сбудутся!

Пиеса эта или куплеты, будучи записаны с его голоса, получили необыкновенную популярность благодаря чрезвычайной простоте слов и напева: редкий бал или попойка в городе обходились без их исполнения. Еще несколькими подобными пиесам обучил он французскую актеру

Дебомон, чем и отвратил ее внимание от поручика Дудакова. Поручик запил горькую и был отчислен из полка за бесчинство.

Между тем действие, оказываемое дьявольским ящиком на Головачева, было пагубным. Сравнивая окружающую его жизнь с миром грез, он все более впал в меланхолию. Когда долго не видел в ящике водевилей, становился мрачен и раздражителен; то терпела поражение его любимая ледовая дружина — в такие дни ему лучше было под руку не попадаться. Когда же в казенных суммах случилась недостача и наряжено было следствие, он проглядел все отчеты и с тоскою в голосе сказал: «Ах, господа, кабы следствие да вели знатоки!» — чем весьма обидел нескольких вполне достойных людей.

Как тайна царя Мидаса некогда не давала спать его брадобрею, так и тайна ящика начала тяготить Головачева. Первому открылся он Матвейке и горько о том пожалел: Матвейка совершенно забросил хозяйство и все дни с утра проводил в барском кабинете, а выпивши на праздник с друзьями, горланил песню про Арлекина.

Наконец Платон Герасимович положил довериться некоему господину Корефанову, окончившему в свое время курс Петербургского университета и покинувшему столицу после известных неприятных событий. Несколько вечеров провели они в кабинете с ящиком, после чего Корефанов озадачил статского советника следующей сентенцией:

— Представьте себе, любезный Платон Герасимович, что в руки какого-нибудь даяка с острова, скажем, Борнео попадает издание Британской энциклопедии. Черта ли в ней даяку?

На это замечание Платон Герасимович побагровел и сказал:

— Вы в моем доме, милостивый государь, и сравнивать себя с бесштаным даяком я не позволю!

— Это лишь аллегория, — успокоил его Корефанов. — Но природа хитра, и уж если она допускает такое, то, надо думать, не зря.

— Конечно, не зря, — сказал Головачев. — Как же это зря, когда я, не выходя из дому, могу видеть весь мир божий? И водевили прелестные бывают или, скажем, хок-кей... Нет, милостивый государь, что ни говорите, а это прогресс!

— Выкиньте-ка этот прогресс в польню, — посоветовал Корефанов. — Далеко ли до беды.

— Какая ж тут беда? — удивился Платон Герасимович. — Да ежели таких ящиков надеть с тыщу и более, чтобы все порядочные люди могли развлекаться, что ж в том дурного? Да я его всем объявлю! Нынче же созову всех на ужин и объявлю!

Корефанов откланялся и пошел прочь.

Головачев, нимало не медля, послал Матвейку с приглашениями во все лучшие дома города. Вы знаете уездную публику нашу: поманите ее бородатой женщиной, русалкой в аквариуме либо заезжим магнети-

зером — соберутся равно все. Жизнь в провинции невольно делает ро-тозем.

Вечеру гости собрались в нижней зале. Был и уездный предводитель дворянства, и полицмейстер Карандафиди, и престарелый князь Рюхин. Был приглашен и я — юный чиновник, вчерашний недоросль.

Посреди залы стоял комод, на комодe — ящик, покрытый китайским шелком. Рядом с ящиком сиял хозяин дома.

— Вот, господа, — сказал Платон Герасимович, мановением руки со-влекая шелковый покров с ящика. — Парижская новинка — механиче-ский раек! Сейчас мы увидим веселый водевиль «Небесные ласточки», повторяемый по многочисленным просьбам!

Тотчас же Карандафиди поинтересовался: дозволено ли все это цен-зурую.

— Дозволено, коли кажут! — поспешил заверить его Платон Ге-расимович. — А что кордебалет будет несколько... неглиже, так мы с вами на масляной нынче видели и не такое!

Общий возглас изумления раздался, когда стекло озарилось голу-бым сиянием. За стеклом показалось человеческое лицо, губы на нем шевелились!

— Это чтец-декламатор, — объяснил Платон Герасимович. — Скоро и водевиль начнется. Слушайте, господа!..

Читатель, прошло много лет. но минуты этой не забыть мне до гро-бовой доски. Сейчас, слава Богу, времена другие, и можно хотя бы на-мекнуть на то, что услышали мы в тот вечер. Чтец-декламатор читал по-слание Александра Сергеевича Пушкина, обращенное... впрочем, поря-дочный человек понимает, к кому. Тогда эти звучные строки для мно-гих были еще внове...

— А обещали неглиже, — обиделся престарелый князь Рюхин, ко-гда преступная декламация кончилась.

На Платона Герасимовича было страшно смотреть: руки его дрожали, челюсть отвисла. Полицмейстер Карандафиди взял стул и мощными ударами разрушил ящик.

* * *

Платона Герасимовича увезли с курьером в Петербург, и более ни-кто его уже не видел. Верный его личард Матвейка разделил судьбу сво-его господина. Песню про соловьев запретили. Остатки ящика облили святой водой и бросили в польню, как и советовал господин Корефа-нов. Под старость лет мы сошлись с ним коротко. От него я и узнал все подробности этой истории. Должен присовокупить, что Корефанов смотрел в ящик с гораздо большей пользою, нежели бедный Головачев.

— Друг мой, — говаривал он мне подчас. — Иногда мне кажется, что в ящике этом можно было увидеть грядущее...

— Каково же оно, грядущее? — спрашивал я. Вместо ответа он глубоко вздыхал и затягивался трубочкой. И я начинал представлять себе, что в грядущем все будут сидеть вечерами дома, смотреть водевили, не ходить в собрания, не разговаривать вот этак запросто, не видеть природы вокруг себя... Страхами этими я делился с Корефановым. Он только посмеивался.

— Ну, не так уж мрачно, — говорил он. — Не одни же там водевили. Вспомните-ка тот вечер...

И он начинал звонким, совершенно не старческим голосом читать послание Пушкина, и странно звучало оно в устах глубокого старца в черном шлафроке.

Суди сам, читатель, можно ли поверить во всю эту историю. Все свидетели уже покинули земную юдоль. Остались только стихи. Я тоже часто твержу их про себя.

Взойдет ли? Бог весть...

ПРЕВРАЩЕНИЕ II

Однажды утром, проснувшись после беспокойной ночи, директор научно-исследовательского института Григорий Евсеевич Замараев обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое. Насекомое, в которое превратился Григорий Евсеевич, было совсем как таракан, только побольше. Жена Замараева, спавшая с ним, по французскому обычаю, отдельно, стала будить его на работу и все увидела. Она не стала поднимать лишнего шума, а подняла только самый необходимый: вызвала заместителя Григория Евсеевича и еще одного товарища. Оба приехали. Тут Григорий Евсеевич как раз сумел многими ножками спихнуть с себя одеяло и стал выглядеть совсем несолидно. Перед собравшимися со всей остротой встал вопрос: может ли Григорий Евсеевич в таком состоянии возглавлять крупное научное учреждение? Жену увольнение не устраивало: из супруги известного ученого-администратора она превращалась в соломенную вдову при таракане. Заместитель тоже не радовался: неизвестно еще, кого поставят взамен. А еще один товарищ в свое время лично рекомендовал Замараева в директоры и теперь боялся ответственности. Поэтому было решено оставить Григория Евсеевича в занимаемой должности. Только жена потребовала, чтобы из квартиры его убрали к чертовой матери.

Заместитель поехал в институт и там довел до сведения сотрудников информацию о новом облике директора. Все согласились и проголосовали. Тогда заместитель послал за шефом машину и двух грузчиков.

Григория Евсеевича доставили в институт и занесли в кабинет. В директорском кресле ему было неловко. Замараев заполз на стену да там и остался. Секретарша сперва заробела, но постепенно привыкла, даже погладила. На полу кабинета разложили карточки со словами, наиболее часто употребляемыми при руководстве институтом, и Григорий Евсеевич с помощью усов начал давать указания и выпускать приказы.

Долго не знали, чем директора кормить. И того ему было не надо, и этого. Сотрудники, вернувшиеся из заграничных командировок, приносили, отрывая от себя, заморские плоды и кушанья — все равно не ел, пока не принесли к нему в кабинет получку. Он сразу набросился на деньги, сжевал рублей триста и утих. Потом остальное доел.

Институт работал, наука неуклонно двигалась вперед. Когда приезжал кто-нибудь с проверкой, говорили, что директор болен. А однажды приехал в институт такой великий гость, что безо всяких предупреждений прошел прямо в кабинет к Замараеву и увидел страшное насекомое. Тут один находчивый сотрудник объяснил гостю, что Григорий Евсеевич только что вернулся с полигона, где проводил опасный для жизни опыт в специальном скафандре с манипуляторами, и, чтобы покинуть скафандр, нужен довольно длительный период декомпрессии. Великий гость не стал ждать, похвалил самоотверженность Замараева, но впредь настрого запретил рисковать собой.

И все бы ничего, и все привыкли, и даже секретарша стала относиться к директору по-прежнему, да вот беда — ему и в человеческом облике денег не хватало, а тут он и вовсе озверел. Раньше-то он мог набиться в соавторы или организовать сбор денег себе на подарок, а теперь был вынужден в дни выплаты прятаться за углом в коридоре, где касса, нападал на подчиненных, кусал, пока не затыкали ему пасть десятой-другой. В эти же дни приходила за своей долей неработающая жена, вырывала у таракана часть добычи.

Однажды институт получил крупную международную и денежную премию. Вручали ее в торжественной обстановке. Григорий Евсеевич махал усами до тех пор, пока и его не взяли на торжество. В президиум, правда, не посадили — спрятали за кулисами. Он же, куда говорили речи, вместо того чтобы слушать теплые слова в свой адрес, бесшумно подкрался и всю как есть премию сметел! У него брюхо так раздулось, что потом своим ходом вернуться в кабинет не мог! Сотрудники очень обиделись. Некоторые предложили мазать деньги раствором цианистого калия или пересыпать дустом, но, подумав толком, поняли: может быть скандал, когда выяснится, что их учреждением руководил про-

стой таракан, только большой. Куда потом пойдешь? Всюду скажут: «А-а... ты у таракана работал!»

В это время в институт приняли уборщицей девушку Сорокопуд Валентину. Раньше она жила в таежном поселке, а теперь ей был нужен стаж по профилю, чтобы поступить в вуз. А вот про директора предупредить ее совсем забыли.

Она вечером пришла убрать в кабинете. Григорий Евсеевич к ней пополз из угла — то ли пошутить хотел, то ли еще что. Но Сорокопуд Валентина в детстве ходила с отцом на медведей и одного даже завалила сама. Поэтому она взяла швабру и до тех пор колотила страшного таракана по башке, пока не убила. Съезохла за усы в котельную и сожгла в печи. На счастье Сорокопуд Валентины, убитый таракан не превратился в труп Григория Евсеевича, как это зачастую еще бывает во всяких зарубежных романах ужасов, с которыми этот рассказ не желает иметь ничего общего.

ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ II

В одном учреждении работал молодой специалист. Это было конструкторское бюро. А он — молодой конструктор. Он стоял у кульмана и конструировал. Остальные учили его, как надо конструировать. И вот как-то к ним прямо в бюро пришел настоящий художник и сказал, что он художник и хочет нарисовать портрет молодого современника. Все показали пальцами на молодого специалиста, фамилия которого оказалась Калюгин. Через некоторое время на холсте стал появляться и портрет Калюгина. Как следует были нарисованы только фигура и лицо, а все остальное так себе, едва намечено. А потом художник подошел к Калюгину и предложил купить портрет за триста рублей. Калюгин ответил, что за триста рублей можно всю Третьяковку купить. Лучше он поставит художнику пузырь. Художник обиделся на пузырь и ушел, бросив портрет. Портрет долго стоял в бюро, вызывая насмешки конструкторов. Выбросить его было жалко — триста рублей все же, — и Калюгин утащил портрет к себе домой. Дома он повесил портрет на стену и подумал: надо было как бы согласиться на триста рублей — пусть бы художник дорисовал все как надо, а потом бы и наколоть его, сказать про пузырь.

На следующее утро Калюгин почему-то проспал на работу. А когда явился, получил выволочку, чего с ним никогда не случалось. Огорченный выволочкой, после работы он решил маленько выпить, но и маленько оказалось для него много: без привычки уснул посреди дороги, где его чуть не раздавила спецмашина. Но она его не только не раздавила, а даже подобрала и увезла. На работе за это заругались еще сильнее

и послали Калюгина убирать картофель. В сельской местности с Калюгиным стали происходить небывалые вещи: он отлынивал от работы, крал и менял на водку картофель, то и дело дрался на танцах с механизаторами. За эти художества начальство перевело его на три месяца в грузчики.

Надо сказать, что, вернувшись в город, Калюгин заметил: в портрете кое-что изменилось. На кульмане появился чертеж механизма, над которым Калюгин упорно трудился до сельхозработ. Мало того, на чертеже было и техническое решение одной проблемы, мучившей институт и науку в целом. Мстя начальству, Калюгин промолчал и продолжал таскать тяжести. Он сдружился с грузчиками и перенял у них многие скверные привычки — например, выпивать с утра. Костюм у Калюгина пообтерхался, обремкался. А на портрете у него наоборот — появился новый костюм из дорогой ткани. У девушки Капитолины, с которой Калюгин общался уже три года, чувство любви и дружбы к нему сперва притупилось, а потом и вовсе угасло. У портрета же на правой руке появилось крупное обручальное кольцо. Такое продать — месяц можно пить.

На работе Калюгину предложили постоянно оставаться грузчиком — так оно лучше будет. Калюгин и сам решил, что лучше — голова ни за что не болит. Но голова болела и требовала опохмела. Опохмелившись, Калюгин сел на пол, где раньше у него стоял диван, и любовался портретом. Да и было чем полюбоваться: на портрете Калюгин стоял среди кабинета с полированным столом и двумя телефонами. Настоящий Калюгин вставал и шел таскать тяжести, которые с каждым днем становились все тяжелее.

Друзьям по погрузке и выпивке он рассказал, что совсем недавно был инженером, очень известным, и с него писал портрет знаменитый художник Васнецов. Друзья не поверили, пришлось вести их домой. А на портрете изменилось очень многое: тот Калюгин находился уже не в кабинете, а в дощатом бараке, одет был в брезентовую робу и болотные сапоги. За окном барака стояла непролазная тайга. Событьи́ники стали смеяться, говорить, что никакой Калюгин не инженер, что он тянул срок, как все добрые люди. Когда гости ушли, Калюгин обиделся на портрет и поворотил его лицом к стене. Обиделся он крепко и не видел портрета несколько лет. Но вот однажды, принеся домой коробку дешевого лекарства на спирту, Калюгин затосковал и развернул картину. Нарисованный Калюгин стоял с чертежами в руках возле палатки, вокруг лежала пустыня, а на груди Калюгина была Золотая Звезда Героя Социалистического Труда. Настоящий Калюгин заскрежетал зубами, но портрета портить не стал: вдруг да придется когда-нибудь продать за триста рублей.

Так и шли дни. Если были деньги, Калюгин устраивал гулянку с друзьями и ставил портрет на почетное место. Он рассказывал о своей прошлой работе, о великих стройках и высоких должностях. Теперь друзья ему верили, потому что и сами любили рассказывать, что были некогда летчиками-испытателями, капитанами дальнего плавания или крупными учеными. Самым главным доказательством был, конечно, портрет: не станет же такой знаменитый художник, тем более Васнецов, рисовать ханьгу Калюгина просто так.

А портрет жил своей жизнью — менялись пейзажи строек, появлялись новые ордена. Калюгин терпел. Потом портрет стал надолго изображать его в кабинете с мебелью темного дерева. Один только раз и порадовался Калюгин, когда на столе у его двойника появилась фотография Капитолины в траурной рамке. От радости Калюгин, как обычно, напился.

На работу его никуда не брали, да и здоровье не позволяло. За квартиру он платил редко и со скандалом. Наконец подошел и такой день, когда Калюгин решил продать портрет. Всю ночь ворочался, перечил сам себе. К утру все же уговорил. Подошел к портрету и увидел, что портретный Калюгин, одетый в строгий серый костюм, стоит в каком-то новом кабинете. И даже не в каком-то, потому что в окне виднелись кирпичные зубцы Кремлевской стены.

Калюгин схватил бутылку, потому что ничего в доме больше не было, обломал ей горлышко и осколками стал полосовать портрет. А когда покончил с ним, взял да и повесился.

Соседи услышали, что три дня тихо, и подумали: уж не повесился ли Калюгин часом? Вызвали милицию, взломали дверь — и правда повесился. Стали устанавливать личность. Один из сотрудников милиции, найдя затрепанный паспорт, отметил удивительное совпадение. Имя, отчество, фамилия и даже дата рождения самоубийцы полностью совпадали с именем, отчеством, фамилией и даже датой рождения погибшего по нелепой случайности известного конструктора, руководителя знаменитых строек, члена правительства, которого хоронила и оплакивала в этот день вся страна.

СОЛЬ II

Однажды в одном большом-большом городе, почти что в Москве, жила молодая, нестарая еще женщина Шипишина. Она была городская, да не совсем, потому что приехала когда-то в город из поселка Полезное да и вышла там замуж за опытного инженера-конструктора. Шипишина и сама работала в одном месте. Она полюбила в городе красиво

одеваться и поесть любила как следует. Поэтому большую часть жизни ей приходилось проводить в очередях. Там она испытывала острую зависть к тем женщинам, которые с грудным ребенком. Им почти всегда отпускали без очереди. И вот Шипишина пристала к своему мужу, опытному инженеру-конструктору, чтобы он сделал ей ребенка для стояния в очередях без очереди. Шипишиной муж пораскинул мозгами, не послал ночь-другую и сделал действующую модель грудного ребенка. Это была такая хорошая модель грудного ребенка, что могла плакать и мочить пеленки. Для крику одна кнопочка, для пеленок — другая. А так совсем как настоящий — и ротик, и все.

И вот Шипишина стала стоять без очереди. А если начинали ворчать, что дети у всех есть, — нажмет кнопочку, люди и пожалеют дитя. Дело до того дошло, что даже в тот всем памятный день, когда в магазине «Дефицитные товары» выбросили канадские сапоги-босоножки, Шипишина включила своего младенца на полную мощность, и многие даже совсем из очереди убежали, потому что в младенца была вмонтирована милицейская сирена, и они подумали, что ихнюю очередь едут разгонять с милицией. А Шипишина спокойно так взяла шесть пар, и все дела.

Жить Шипишиной стало совсем хорошо. Работать в одном месте она вовсе бросила и стала допускать в своих действиях элементы спекуляции. Костюм из джинсового гипюра толкнула аж за девятьсот рублей! Так-то что не жить!

И в этом же городе, где Шипишина, жил один старичок. Ему тоже было положено все без очереди и другие льготы. Он их заслужил и заработал. Но старичку почти ничего не нужно было, и в магазин он ходил исключительно из любопытства — посмотреть, что за народ нынче пошел. И вот он приметил Шипишину и задумался: что же это за интересное дите, которое уже года четыре все грудное и маленькое и кричит все время одно и то же? Старого человека не обманешь. Однажды он незаметно подошел к Шипишиной, да ребеночка-то и потрогал. Ребеночек твердый, холодный. Старичок тихонечко и говорит Шипишиной, чтобы она ушла по-хорошему, не позорила советское материнство. Шипишина как зашумит на старичка, а за ней другие. Обозвали его старым пнем, старым хреном и другими пожилыми растениями.

И Шипишина подумала, что вот надо было бы заставить мужа сделать действующую модель старичка инвалида со льготами. Но до искусственного старичка дело не дошло, так как на следующий день настоящий старичок настиг Шипишину в одном магазине. Старичок был не один, а с боевой подругой — острой шашкой, подаренной лично Семёном Михайловичем Буденным. Старичок показал шашку очереди и сказал, что махал ей для того, чтобы присутствующие жили счастливо. Но не настолько же счастливо, как Шипишина! И старичок как рубанет

шашкой твердого младенца! Посыпались из него на пол транзисторы, пружиночки, гаечки и другая дрянь, которую применял Шипишиной муж. А потом пришлось старичку этой же шашкой отгонять от Шипишиной склонных к самосуду гражданок.

Долго не казала Шипишина в магазины носа. Переживала, а потом нашла себе заделье. Она просто ходит и собирает бутылки. Но знаете, на сколько Шипишина сдает бутылок в день? На четыреста сорок рублей шестьдесят копеек!

Потому что Шипишиной муж придумал такое специальное устройство...

ДУРНОЙ ГЛАЗ

Одна женщина в роддоме № 4 взяла и родила мальчика Николая Афанасьевича Пермякова. Нетрудно догадаться, что эта женщина была его мама. Когда Николая Афанасьевича, тогда еще просто существо, принесли первый раз кормить, существо раскрыло глаза и посмотрело на свою мамку так, что у нее враз пропало молоко в грудях. Одна старая женщина из подсобного медицинского персонала объяснила всем желающим, что у ребенка дурной глаз.

— Глазик у ребенка дурной,— говорила она.

А на вид глазик как глазик. И второй такой же. Хоть и говорят в народе «дурной глаз», а попробуй определи, левый дурной или правый дурной.

Покуда маму Пермякову не выписали, все в роддоме шло через пень-колоду. То батареи прорвет, то еще что-нибудь. А один мальчик, который лежал рядом с Николаем Афанасьевичем, вырос и стал вор и бандит, был посажен в тюрьму и расстрелян.

Дома у Пермяковых тоже стало неблагополучно. Афанасий Пермяков по случаю рождения сына первый раз в жизни выпил и пьет до сих пор. «Не напьется никак»,— объясняет теща. У тещи, в свою очередь, сгорел свой дом в городе Барановичи Белорусской ССР. Мать помнила слово про дурной глаз и повела уже ходящего Николая к окулисту. Окулист долго смотрел в дурной глаз через специальный прибор, никаких болезней не нашел, посоветовал носить черные очки, а еще лучше — зеркальные.

Так и ходил Николай Афанасьевич — маленький, а в зеркальных очках, как цирковой артист-лилипут.

А тот окулист, Мовсесян Ваграпет Аршакович его фамилия, в тот день не пришел домой с работы, и никто его не может найти, хоть и объявили всесоюзный розыск. А не надо было в дурной глаз через специальный прибор глядеть, он же усиливает, прибор.

Пришло число первое сентября. Надо идти в школу. Николаю дали портфель и цветы астры.

— Ой, нельзя ходить в темных очках! — стала ругаться первая учительница Николая Афанасьевича, Бородун Аэлита Степановна. — Так только одни стилиаги делают. Сейчас же снимай очки!

Николай очки-то и снял. Учительница посмотрела ему в глаза. У нее через неделю должна была быть свадьба. Куда там! Ее жених, известный в городе таксист Леха, полюбил вдруг не ее, а артистку эстрады на гастролях. Он возил ее по городу, так как она за вечер три-четыре концерта пела, уехал за ней и ездит теперь следом за ней повсюду, кроме заграники. В загранику его не пускают.

Потом Николаю пришла повестка в ряды армии. Конечно, на медкомиссии тоже был окулист — военный врач-офицер. Он признал, что глазки у Николая не большие, а нормальные, и надо служить. Вечером окулист пошел с одной знакомой в ресторан, выпил маленько, а запьянел сильно, разбил витрину и многое другое. Пришлось ему отсидеть на гауптвахте и заплатить очень много денег, а потом еще над ним был суд офицерской чести. В старые времена ему со стыда пришлось бы застрелиться, а теперь только звездочка одна слетела.

Николая привезли в армию, и прапорщик Огурной повел его с другими новобранцами в баню. Пермяков и в баню пошел в очках, хоть и голышом.

— Очки, салага, на гражданке оставь! — сказал ему прапорщик и снял с него очки. Поскользнулся на скользком полке, полетел вниз и там поломал руки-ноги.

Солдату в темных очках быть не положено, если не дембель. Так что в этой самой войсковой части стали твориться всякие неуставные дела: то солдат домой убежит, то дизентерия какая-нибудь. За полтора года трех командиров сменили с понижением. Только когда Николай стал старослужащим солдатом дембелем, он пошел в солдатский магазин «Военторг» и купил себе темные очки. Надел очки, и часть мигом стала ходить в отличных.

Отслужив как положено, Николай домой не вернулся, а поехал жить в большой город. Он все еще не знал, что у него за глазки такие. Не нашлось на него старой женщины, чтобы сказать:

— Глазик у вас дурной, Николай Афанасьевич!

Одни только цыганки, когда Николай Афанасьевич снимает на улице очки с целью протереть, шарахаются от него, как от милиционера. Цыганки знают что почем.

А очки он снимает только перед сном и еще на работе. А где работает Николай Афанасьевич, все люди знают, потому что видят его каждый день да через день. Причем без очков. У него такой приятный голос:

— Здравствуйте, дорогие товарищи! Начинаем передачи Центрального телевидения...

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Один человек писал стихи. Фамилия у него на вид была хорошая, героическая, а на слух не очень: Сабленосов. Сам Сабленосов думал, что он поэт, а другие люди так не думали. Но Сабленосов все равно писал стихи и скоро написал их целую книгу. Книга называлась очень красиво: «За лебединой стаей журавлей». Но так как печатать Сабленосова никто не хотел, книга вышла самодельная. Хотя на вид почти как настоящая — в переплете и с иллюстрациями из журналов «Работница» и «Советская женщина». Но все равно так и не смог Сабленосов уговорить никого, чтобы прочли его книгу. А ведь стихи он писал исключительно для того, чтобы его славное имя у людей изо рта не вылазило.

Тогда Сабленосов сделал вот что. В аэропорту он подстерел одного известного нашего поэта, который везде путешествует, и незаметно засунул свою книгу в его дорожную сумку — лететь поэту долго, может, и прочтет.

Лететь поэту было и вправду долго — аж в Бразилию. В полете он заискался чего-то в сумке и наткнулся на подкинутую книгу. С ужасом прочитав несколько стихотворений, поэт почувствовал, что просто физически не может находиться в одном помещении с этим кошмарным творением. Он прошел к пилотам и попросил, чтобы ему дали возможность либо выпрыгнуть самому, либо выбросить книгу из самолета. Всемирная известность и большое личное обаяние поэта сделали свое дело: книга Сабленосова с позором покинула борт «Боинга» и, кружась, полетела вниз, где простирались бескрайние бразильские джунгли.

В это время малоизвестное науке племя тиритомба справляло небольшой религиозный праздник на поляне. Упавшую к ногам руководителей племени прямо с неба книгу тиритомба истолковали, конечно, с идеалистических позиций и начали тут же ей поклоняться.

В настоящее время культ книги «За лебединой стаей журавлей» растет и крепнет. Тиритомба намыли маленько золотишка и отправили в большой город самого смышленного юношу. С помощью золота и выдающихся личных способностей юноша сумел перевести книгу и выучил все пятьсот восемьдесят два стихотворения наизусть. Вслед за ним выучило стихи все племя. Теперь они составляют основу духовной жизни индейцев тиритомба. Даже дети в этом племени знают, какое стихотворение следует читать перед охотой на ягуара, как с помощью венка сонетов увеличить мужскую силу, сколько раз нужно повторить поэму «Занобушка», когда засушиваешь голову побежденного врага. Тиритомба — народ воинственный. Вдохновившись стихами, они встают на тропу войны и несут слово Сабленосова все дальше в джунгли. Покоренные

племена принимают новую веру. Скоро этот феномен заметят этнографы и напишут о нем.

Но, к сожалению, сам Сабленосов так никогда и не узнает о своей небывалой славе в джунглях Амазонки, потому что никогда не читает ничего, кроме своих стихов.

СКАЗКА О ПЕРЕДОВОМ ОПЫТЕ

В некотором царстве, некотором государстве жила царевна Василиса Прекрасная. Как-то выглянула она из терема — и видит: под окном, как всегда, женихов видимо-невидимо. А замуж неохота, погулять бы еще как следует. Что бы им за испытание придумать? И придумала:

— Эй, добры молодцы! Сами видите, какова я: надо бы лучше, да некуда, жаль. Вот кто из вас мой передовой опыт изучит, обобщит и распространит, того и назову суженым!

Женихи загрустили и разошлись горькую думу думать. Только один добрый молодец не грустил, не думал: Иванушка-Дурак. Он до того, как Дураком стать, инженером работал в отделе НОТ. Вынул гусиное перо и начал:

«Царевна Прекрасная В. Б. находится в занимаемой ею должности в течение вот уже 18 лет. За этот сравнительно небольшой срок она сумела зарекомендовать себя во дворце как специалист высокой квалификации. Поначалу, конечно, особенно в первые годы деятельности, встречались немалые трудности: нужно было учиться ходить, говорить, думать и т. д. На помощь В. Б. Прекрасной пришли старшие товарищи, мамки и няньки. В короткий срок помогли они молодому специалисту встать на ноги и сказать свое веское слово. С большой теплотой вспоминает Василиса старушку Вахромеевну, многому она ее научила. Неохотно расставалась царевна с наставницей, когда ту пришлось отправить на костер за связь с нечистой силой.

Не сразу и не вдруг пришло умение руководить своим коллективом: мамушками, нянюшками, сенными, горничными и дворовыми девками, а также чернавками из подрядных организаций. Случалось и всплакнуть по-детски. Но потом, умело сочетая сердечную доброту с суровой принципиальностью, всесторонне руководствуясь девизом: «Мой меч — твоя голова с плеч!» — удалось молодому руководителю поднять дисциплину в коллективе, без сожаления расставаясь со злостными нарушительницами, направляемыми на трудовое перевоспитание к Змею Горынычу.

— Инструмент у меня нехитрый, — говорит царевна. — Вот плетка семихвостая, а вот пряничек тульский — батюшка подарил, когда мне

три годика было. Видите, крашек весь обгрызен. Ничего для них не жалею. И плеточка вся уже измочалилась...

А ведь не просит нового инструмента, сырья и материалов, обходится тем, что есть. Такова одна из главных черт Василисы Берендеевны — бережливость, унаследованная ею вместе с десятью сундуками золота от отца, потомственного царя Берендея Б. Б. Именно так складываются династии!

Показатели внешних данных Прекрасной В. Б. в среднем на 0,5—0,7% выше, чем у царевен соседних царств-государств. Золотистость волосяного покрова головы, толщина сплетенной из него косы, горение под этой косой месяца, а в области лба — стилизованной звезды выгодно отличает Василису Берендеевну от ее коллег. «Лебедев ты наша», — говорят о ней в коллективе за глаза.

Рабочий день царевны начинается около полудня. Для руководства персоналом она использует органы зрения, которые для этой цели раскрывает и, делая вращательные движения зрачками, осматривает помещение спальни. Указав с помощью плетки-семихвостики на отдельные недостатки, Василиса Берендеевна добивается немедленного их устранения. Передвигается по территории терема царевна при помощи нижних конечностей, последовательно переставляя их одну за другой. Четкие и синхронные движения сенных девок позволяют ей в максимально сжатые сроки достичь полного облачения в рабочий костюм, в целях эстетического воспитания персонала шитый скатным жемчугом. Питается царевна в специально отведенном для этого месте путем внедрения в организм через ротовое отверстие необходимых веществ. Этот несложный прием позволяет ей поддерживать работоспособность на протяжении уже 18 лет.

За достигнутые в честь 100 000-летия со дня рождения Кощея Бессмертного успехи Прекрасная Василиса Берендеевна награждена царской короной. В настоящее время является невестой на выданье».

Прочитала царевна, ахнула, да и выскочила за Ивана замуж. А так как он ее опыт не только изучил и обобщил, но еще и распространил в плакатах, все окрестные царевны вскорости им успешно овладели и стали использовать, то Василисе стало обидно.

— Дурак ты, дурак! — зовет она мужа добрачной фамилией.

— Дурак не дурак, — резонно отвечает Дурак, — а гонорар за плакат получил. Можешь себе новую лягушачью шкурку в комиссионке купить...

РАЗМНОЖЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ

В одном крупном тресте начальником был Иван Палыч. Как и любой мыслящий руководитель и опытный хозяйственник, Иван Палыч терпеть не мог, когда вокруг него было много бумаг. К такому же по-

рядку он приучил и своих сотрудников, чтобы не разводили лишней писанины.

Как-то утром Иван Палыч прибыл на работу и открыл сейф. Он точно знал, что на верхней полочке у него лежат всего-то две бумаги: приказ об увольнении пьяницы Шнеллер-Бугаевского и распоряжение о перемене мебели в служебных помещениях. А тут увидел, что лежит какая-то третья... Только содержание непонятное — наградить сотрудника Цыгамку Н. Ф. вращающимся креслом по случаю его пятидесятилетней беспорочной службы в тресте. Мало того, что в штате сроду не было сотрудника Н. Ф. Цыгамки — самому-то тресту было всего десять лет. Иван Палыч напустился было на секретаршу, а потом самому неловко стало — извинился. Дурацкую же бумагу порвал и бросил в корзину.

Открыл папку, что лежала на столе, и диву дался — бумаг в ней было чуть ли не вдвое больше, чем вчера. Одни бумаги он составлял лично, другие просматривал. А вот третьих он и в глаза не видел! И было в этих бумагах что попало: и об отгрузке каких-то бульдозеров, и об аморальном поведении главного механика, известного в тресте аскета, и о лишении квартальной премии всех сотрудников треста, включая Ивана Палыча...

Назавтра стало еще хуже — лишних бумаг прибавилось. Иван Палыч забросил все дела и только сортировал документы, отделяя настоящие от ложных. Он категорически запретил заходить своим сотрудникам в кабинет и велел принести ему муфельную печь — сжигать фальшивки. А уходя поздно вечером домой, накрепко опечатал кабинет и канцелярию.

Это не помогло. Сначала Иван Палыч грешным делом подумал, что над его сейфом потрудился медвежатник, а потом понял, что сейф просто лопнул по швам — столько в нем оказалось документов. Опять допоздна раскладывал и жег бумаги. Но отделять настоящие от ненастоящих стало труднее: по форме и по содержанию они начали приближаться к трестовским. И чуть было не положил к настоящим приказ об увольнении известного бездельника Чурина, да вовремя вспомнил, что Чуринов — молодой специалист и с ним придется вalandаться, сколько положено.

Тогда Иван Палыч решил обратиться к одному человеку — трестовскому истопнику. Дело в том, что этот истопник здорово разбирался в генетике. За это его в свое время попросили из ученых, а когда опять попросили назад, он в ученые не вернулся, так и остался истопником. Истопник выслушал рассказ начальника, посидел-подумал и сделал научное заключение.

Он объяснил, что в обычных условиях бумаги размножаются, так сказать, вегетативно: из одного документа проистекает другой, из другого — третий и так далее. При этом бумаги еще как бы паразитируют на человеке: он их сам составляет, оформляет и кладет печать. А в тресте у Иван Палыча, с его ненавистью к бумагам, сложилась обстановка, неблагоприятная для обычного способа размножения. Борясь за сохранение вида, документы перешли на более высокую стадию развития и стали размножаться половым путем. Причем приказы и распоряжения решительного, радикального характера несли в себе мужское начало, а те, что были направлены на поддержание внутреннего порядка, снабжения и т. п. — женское. Кроме того, бумаги, чтобы не угодить в печь, начали приспособливаться и мимикрировать под подлинные. Скоро их вообще невозможно будет различить. Трест ждут хаос и анархия, а Иван Палыча — соответствующие выводы.

Посоветовал истопник и как спасти трест. Во-первых, ни в коем случае нельзя класть два документа вместе. Во-вторых, лучше завести для каждого отдельную папку. В-третьих, если все-таки придется подшить для дела несколько бумаг, следует переложить их плотным картоном.

Иван Палыч так и сделал. Теперь у него весь трест завален папками, каждая бумага лежит отдельно, и от этого создается ложное впечатление. «Ну и бумага Иван Палыч развел! — удивляются люди. — Совершенно на него не похоже!»

Но Иван Палыч и бывший истопник, а ныне главный делопроизводитель треста, лучше знают, что на кого похоже, а что не похоже.

БОЛЕЗНЬ

Директор одного крупного промышленного предприятия Аркадий Семенович Кременчук взялся как-то мыть руки. Мыл, мыл и вдруг заметил на тыльной стороне правой руки синенькое пятнышко. Пятнышко как пятнышко, только синенькое. Как бы маленький синячок. Аркадий Семенович не придал этому никакого значения.

Дня через два на пятнышко указала ему жена Евстолия. Но только это не пятнышко уже было, а кругляшок. Как циркулем прочертили с синей тушью. Евстолия была заполошная, Аркадий Семенович мнительный. Как и многие другие, он во всем видел угрозу рака. Поэтому и побежал в онкологию. Там сидел старый профессор и сказал, что это никакой не рак, а след от старой татуировки. Кременчук возразил, что у него сроду не было никакой татуировки, но профессор сказал: «Да бросьте вы! С кем не бывало!»

Тем временем на завод приехал министр, и Кременчуку стало не до кругляшков. Предприятие, слава труду, не подкачало, и на прощание министр крепко пожал Аркадию Семеновичу руку.

— Э, да ты наш, из балтийских! — удивился министр, поглядев на руку Кременчука. Кременчук глянул на руку и удивился плуце министра. На запястье расположился морской якорь, повитый ленточкой славы. На ленте было написано: «Балтика». Кременчук принялс врать что-то про крейсера и миноносцы, хотя на самом деле не только что на флоте не был, а и от сухопутной службы сумел в свое время открутиться. На его счастье, министр спешил, так что обошлось без вечера воспоминаний.

Жена Евстолия организовала мужу визит в косметический кабинет. Там татуировку выжигали током, но потом отступились.

— Нет, — сказали ему. — Слишком свежая. Вообще похоже, что она самовосстанавливающаяся. Мы с такими не боремся.

Аркадий Семенович побежал к кожежнику:

— Поглядите, что делается!

На руке у него делалось вот что: появилась девичья головка, а под ней написано, что Галя.

— Всего за сутки выросла!

— Хорошо, — сказал врач. — Посмотрим, что будет дальше.

Дальше было так. Жена Евстолия устроила мужу страшную сцену.

— Ты с блатной связался! — кричала она. — Ты блатную завел! Она тебя заставляет накладки делать! Я ее разыщу, твою Галю!

И покинула Аркадия Семеновича. То ли Галю принялась искать, то ли кого другого. Поэтому ложиться в кожную лечебницу он не стал. Где кожная, там и венерическая. Да еще жена ушла. Люди станут болтать что попало.

Потом стало совсем плохо. Аркадий Семенович еженедельно посещал финскую баню вместе с несколькими друзьями и знакомыми очень высокого ранга. Честно говоря, через эту баню он и в директора вышел.

Картинки на руках позалепил пластырем и поехал.

— Ой, не могу! — завопил через несколько минут в парилке академик Миканоров, тот самый, что открыл град Китеж. — Поглядите, друзья мои, так сказать, на тыл нашего достопочтенного Аркадия Семеновича!

Поглядеть было на что. На ягодицах Кременчука был вытатуирован кочегар с лопатой. Когда Кременчук ходил, кочегар начинал вкальвать.

— Это что, — сказал маршал Солдатенков. — Вот у моего начштаба на Втором Белорусском почище была...

Он рассказал содержание военной татуировки, и все захотали еще

сильнее. Кроме одного очень влиятельного человека — он глядел на Кременчука, поджав губы.

— Довольно странно в вашем возрасте, Аркадий Семенович, — заметил он. — По меньшей мере странно.

На следующей неделе Кременчук вообще не рискнул пойти в баню. На груди у него появились профили всех вождей, ноги заговорили, что они-де устали, но к любимой дойдут. Вокруг левой руки обвилась змея. На животе появилась надпись: «Всю жизнь — на тебя работаю». Ни же — хуже.

Каким-то образом слухи о расписном теле директора стали достоянием общественности, хоть он и ходил на работу в перчатках и старался никогда не расстегиваться. Секретаршу уволил и взял пожилую. Все равно рабочие, приходившие к нему на прием, стали вести себя панибратски, норовили похлопать по плечу.

— Ты, Семеныч, понимаешь рабочего человека, — говорили они. — Не то, что некоторые! Ты свой в доску!

Аркадий Семенович ослаб духом, не мог даже одернуть наглицев и подписывал их заявления не глядя.

Как-то позвонил к нему маршал Солдатенков.

— Ты что же, Семеныч, баньку не посещаешь? Показал бы нам свою Третьяковку! — и захохотал.

На теле Кременчука живого места не осталось. На пальцах появились перстни, от которых исходили как бы лучи. Орлы терзали голых девушек. Спина украсилась репродукцией «Сикстинской мадонны». Только лицо болезнь пока миновала. Давешний кожник донимал Аркадия Семеновича просьбами лечь к нему в клинику — хотел, видно, диссертации на нем защищать. Пожалел Кременчука только его шофер Володя. Он посоветовал ему сходить к одной специальной старушке — кожнику-любителю. Любила она лечить кожные болезни. За деньги, конечно.

Аркадий Семенович решил. Старушка осмотрела Кременчука и поглядела ему в глаза твердо и страшно.

— Давай сюда все деньги! — потребовала она.

Аркадий Семенович подал ей бумажник.

— А которые на книжке?! — не унималась бабка.

Пришлось съездить и за теми. Тут бабка поставила диагноз:

— Это у тебя болтунцы повылазили, мил человек.

— Какие болтунцы?

— Болтунцы от лишнего разговору. На нервной почве. Сколько ты набрехал, столько и повылазило. Лечить их надо так: ни с кем не разговаривать, помалкивать. Год, другой помолчишь — глядишь и сойдут.

Кременчук хотел было спросить про деньги, но бабка так гроз-

но прижала палец к своим синим губам, что он не решился ничего сказать.

Молчком много не руководишь. Пришлось Кременчуку ехать в министерство и подавать заявление по собственному желанию. Министр даже обиделся на молчание Кременчука.

— Вот ты, оказывается, какой! — сказал министр. — И разговаривать не хочешь. А еще с Балтики!

И плюнул.

...Прошел год. Аркадий Семенович Кременчук живет в хибаре на берегу реки вместе с бичами и богодулами. За татуировку и молчаливость эти полууголовные элементы его крепко уважают. «В законе наш немтырь!» — почтительно говорят о нем и приносят ему водку и консервы. На закате дня Аркадий Семенович выходит на берег реки и смотрит на далекое здание своего бывшего заводууправления. Он верит, что когда-нибудь вернется в свой кабинет, но вернется совсем другим человеком. Знаками он объясняет это соседям. Они тоже верят в него.

ЗОЛОТО

Была Аня Кирдяшова. Она приехала в большой город из села Зелдеево. Там у нее была бабка, но умерла, а перед смертью велела внучке копить золото — верное дело. Сама-то не накопила, так хоть внучка.

В городе Аня поступила работать техническим работником в одно очень известное учреждение. Технический работник — это техничка. А жила в общежитии кирзавода.

Стала Аня копить золото. То есть пока не само золото, а деньги на его покупку. Не ела сладкого, в кино ходила только на дневные сеансы, смотрела при этом только фильмы «Золото Маккенны», «Золотой пояс», «Золотая эшелон» и «Золотое путешествие Синдбада» и другие про вышеуказанный металл.

Только накопит Аня денег, а золото, будучи предметом роскоши, и повысится в цене. Аня еще поднакопит, а оно еще дороже заделается. Только на третий год догнала-таки Аня золотишко: скопила тысячу рублей деньгами.

На работе Ане дали добрый совет:

— В магазин зря не ходи, там нету ничего. А ходи лучше возле магазина. Там иногда с рук продают цыгане и вообще люди. И не только с рук, но и с шеи, и из ушей тоже. Только обязательно возьми с собой азотной кислоты, покапай на золото, а то обжулят.

В своем учреждении утатила Аня целую колбу кислоты и пошла делать золотые покупки. Возле магазина «Дефицитные товары» толка-

лись цыгане и другие люди. Толкался там и Моня Радзиковский. Моня был красивый-красивый и очень хорошо одет в дубленку и джинсы. Аня же Кирдяшова была еще девушка: в деревне испортить не успели, а в городе никто не позарился. Только один начальник по работе начал было хватать за бока, но Аня ему живо дала по рукам.

Такого человека, как Моня, Аня видела только в кино, и то один раз. Поэтому от удивления она разинула рот, да так широко, что Моня заметил.

— Вам золотых вещей не надо? — спросил.

Аня не сказала ничего, а закивала головой с разинутым ртом. Моня протянул ей цепочку, пару колечек, сережки в виде любящего сердца. Все эти вещи сильно блестели. Аня закрыла рот и отдала Моне тысячу рублей деньгами. Зажала золотые вещи в кулачок и побежала к себе — копить.

За углом она вспомнила про испытание кислотой. Вытащила из сумочки колбу и побросала туда золото. Золото пошло пузырьками и пропало в кислоте, как не было. Ане стало жалко себя, золото и деньги. Вернулась к магазину и колбу с кислотой тычет Моне:

— Где мое золото, паразит?

А Моня все понял и отказался — знать не знаю. Аня рассердилась и стукнула его хрупкой колбой в лоб. Про кислоту-то забыла. Моне стало больно, он громко закричал и ослеп. Всю красоту у него с рожи съела кислота.

Потом был суд. Судили, конечно, Аню Кирдяшову, так как Монино мошенничество растворилось в колбе. Знающие люди говорили, что Ане корячится полная катушка. Сама Аня винила во всем себя, много и часто плакала, что погубила за тысячу рублей деньгами хорошего человека.

На суде выступил потерпевший от Ани Моня.

— Раньше мои мысли были заняты только наживой и чистогоном, — сказал он. — А теперь у меня появилось много времени на раздумья. Неправильно я жил, не по совести. Поделом вору и мука. Глаза мне эта девушка раскрыла...

И заплакал. И судьи заплакали, и все-все люди.

...Когда Аня вышла на свободу с чистой совестью, они с Монею поженились. Все мечты Ани сбылись. Золота у нее теперь навалом. Каждый вечер она приводит Моню за руку к магазину «Дефицитные товары». Моня делает вид, что подбирается. На деле же он продолжает продавать всяким дуракам латунные подделки. А деньги он наловчился различать по шороху. На эти деньги Аня Радзиковская покупает натуральное золото, которое никакая кислота не берет, разве что царская водка.

ПЛЕМЯШ

(ИЗ ОПЫТА ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ)

Бабушка Евстифеевна, у которой каждый раз останавливаюсь я, приехавши в глухую пойменную тайгу отстреливать по лицензии тайменная-шатуна, щедро поит меня из родника народной мудрости простыми, бесхитростными рассказами.

— После войны лет семь ли, восемь ли приехал к нам в деревню парнишка один, то ли с Москвы, то ли откуда. Он, вишь, нашему Никанору Боходдину племяшом приходился. Его на деревне так и кликали — Племяш. Племяш этот у себя в Москве без родителей остался, доспел баткино добро пропивать. Пропился до остатней копейки, тыр-пыр, деваться некуда, работать ничего не может, скиляга, словом. А тут Никанор и помри. А Племяш-то — один наследник. Примчался на паровозе: продам, мол, избу да и зачну гулять. Однако решил лето пережить: охота, рыбалка, пято, десято.

С деревенскими не вошелся, гребовал. Один да один. А в ближней деревне тоже городской объявился. Ну, этот солидный, институт кончил либо техникум ветеринарный. Не чета скиляге, а гли-ко, задружились не разлей вода. Охота ли, рыбалка ли, гулянка — все исполу.

А дело-то молодое, живое к живому тянет. И наладились они в один дом запохаживать. Там две девки на выданье. Старшая славная, отличница, начальство школьно золотую медаль вручило. А младшая прокуда, все с парням, все с парням, в головенчишке-от ветер свишшет. Мать уж отчаялась и замуж утартать лахудру. Короче, скиляге самая пара. Так нет же, все навыворот. Студент к младшей тянется, а старшей скиляга на сердце пал. Но Племяш скиляга-то скиляга, а совестишки-то малёхо осталось, не стал девуку перед людям страмить, отступился, потихоньку к младшей подчаливает, на танцах приглашат. Студент тихий-тихий, а тут взбеленился. Как раз на танцах. Уладили бы миром, да тут один демобилизованный встрял. Пьянь, рвань, картежник на всю реку первый. Надо, говорит, по-нашему, по-деревенскому — один на один. Пошли за околицу, четвертый для порядку увязался. Дорогой вытащили из моей поскотины два стяжка, отошли в тайгу подале, снялись драться. Племяша как анчутка под руку торкнул: стяжком да прямо по виску. Студент пал. Ах, ох, а человека-то нет. Молчком да в деревню. Так и так, не знам и не ведам. Подался в тайгу да заблудился. Поискали и бросили.

Однако Племяш-от от греха подале сошел с наших мест. Всю страну, бают, проехал, бродяжил: боялся, вдруг да найдут.

Сколько-то лет прошло. Насмелился скиляга в Москву воротиться. Там отцовы знакомы, прежни дружки и протчая снова его из гулянки

в гулянку тащат. Вот в одних гостях встречает он стародавнего приятеля, много его постарше, а тот уже в генеральском чине. А жена у генерала молодая, да така пригожа, баска! Племяш глядит и видит: так это та ж самая деваха, что в деревне к нему ластилась!

Он у генерала фамилию проверил — точно, она. Он ее в дальну комнату заманул и спрашивает, бессовестный: по-прежнему люб тебе ай нет? Она, бажона, ему: люб, люб, да только у меня уже, сам видишь, законный супруг. Он ей одно: какой, к ляду, муж? Я твой муж! И она свое: нет, говорит, хоть сердце мое по тебе изведется, но я супружеску честь наблюдаю. Племяш заплакал да и потопал с гулянки ни с чем...

— Спасибо, Евстифеевна, за чай-сахар, — говорю я старухе, выключая портативный магнитофон. — А вот я тебе еще книжечку привез, все больше страшные: про Демона, про мертвые души...

— Спасибо, милок! — говорит бабушка, прижимая книги к груди. — На то лето снова приезжай!

Как не приехать, думаю я, когда в литературе такая мода на народные преданья и поверья пошла...

КРАСНЫЕ ПОМИДОРЫ

Один кандидат наук стал доктором этих же самых наук. Его звали Аристарх Калистратович. Это дело нужно было отметить. Вот Аристарх Калистратович и решил устроить дома званый ужин. А не в ресторане каком-нибудь, чтобы разговоров лишних не было: дали, мол, степень за коньяк и закуску. Люди ведь всякое могут подумать. И Аристарх Калистратович пошел на базар с большой сумкой купить кое-каких продуктов, чтобы не стыдно было людей угостить.

Дело было зимой. С овощами и зеленью туго. Купил Аристарх Калистратович, не торгуясь, ведро черной икры, да ведь одной икрой гости сыты не будут. Они эту икру видели-перевидели, других бы он и в гости сроду не позвал. И вот он видит, что стоит мужчина за прилавком и вовсю торгует красными помидорами. Внешность у мужчины самая что ни на есть славянская, без всякого кавказского вмешательства. Люди подойдут, спросят, почем. Он ответит. Человек плюнет и отойдет, да еще обзовет торговца обидно. Тот в долгу не останется — тоже загнет как следует. Так вот и стоит — торгует и матерится.

Аристарх Калистратович тоже спросил цену. Оказалось маленечко дешевле черной икры. Зато гости как довольны будут, а ведь надо еще в академики пробираться!

— Бери, так твою перетак! — сказал торговец и насыпал доктору наук полную сумку помидоров, а себе полный карман денег.

Аристарх Калистратович принес домой и гордо высыпал помидоры на стол. Тут жена его и увидела, что помидоры вовсю зеленые. Жена как закричит:

— Ты чего купил? Это помидоры или что? А еще доктор наук, очки напялил! Этим помидорам еще расти да расти!

А узнав цену, стала кричать пуще прежнего. Тут услышал Аристарх Калистратович и те выражения, которые употреблял торговец, и те, которые сам вовсе забыл со времен трудного возраста, и многие другие. Глядит доктор наук на помидоры, а они на глазах краснеют. Тут он и припомнил одну научную статью, что растения все чувствуют, а некоторые даже кое-что соображают, совсем как мы с вами. Видно, это свойство и заметил за помидорами хитрый спекулянт. Сидит у себя в парничке и лается почем зря, а потом первые помидоры на прилавок выбрасывает, придерживая в цвете матком.

Жаль денег, жаль и помидоров. Страшно и перед гостями опозориться. Но все-таки не зря стал Аристарх Калистратович доктором наук!

Сперва он попытался перед овощами зарубежный порнографический журнал листать. Но помидоры, видно, только на звук могут краснеть. Попробовал доктор наук немножечко поругаться. Сначала слабо выходило, а потом ничего, разговорился. Краснеют, суки!

И вот пришли гости. Поздравляют Аристарха Калистратовича на все лады. Он встал и говорит:

— Давайте, друзья мои, сегодняшний вечер проведем в свободной, раскрепощенной обстановке. А то и на работе и дома только и знаем, что научными терминами сыпать. Но ничто так не украшает речь, как крепкое, соленое простонародное словечко. Так вот, я предлагаю сегодня забыть, что бывают неприличные слова, и выразаться, у кого как душа лежит!

Гости сперва покоробились, потом покобенились, а после второй рюмочки и согласились. Слово за слово, матерок за матерок — вот и образовалась атмосфера непринужденности, которую так ждал хозяин.

— А вот сейчас сюрприз, растудят вашу!

И хозяйка несет помидоры — краснущие, того и гляди лопнут.

— Ничего себе! — закричали гости. Они, конечно, не совсем так закричали, но смысл тот же.

Словом, вечер прошел как надо. Одно только плохо: помидоры слопали, а привычка осталась. И все эти профессора и академики стали загигать такие выражения, что никакого словаря Даля выпуска 1909 года не надо.

Особенно наострилась в этом деле семья Аристарха Калистратовича. Однажды они при помощи водки заманили к себе известных в микрорайоне слесарей-сантехников Сережу Рыло и Саню Гидролизно-

го — починить кран. Минут через пять сантехники вылетели из квартиры доктора наук как ошпаренные.

— Там одни матерщинники живут! — жаловались они соседям.
Да, не приходится сомневаться в разумности растений.

ВРЕД

Немало известно в народе о вреде водки и связанного с нею алкоголизма. Немало, да не все.

На крупнейший завод пришел учеником токаря Паша Скопитонов. Его определили к известному мастеру Иннокентьичу. Подошла первая получка. А Паша до того случая в рот не брал этой гадости. Но такова уж нездоровая рабочая традиция, кое-где еще не преодоленная. Вот он и угостил Иннокентьича и сам угостился. Наутро Паша приходит — лица на нем нет. Иннокентьич его пожалел, достал из заначки читок и похмелил ученика. Ожил Паша, встал к станку и вдруг показал такой класс работы, что в пору самому Иннокентьичу отправляться на пенсию.

Так и пошло. Начальник цеха рассказывал:

— Я Скопитонова трезвым к станку не подпускал. Только на работу придет, я ему: «А ну, дыхни!» Если не пахнет — марш в магазин. В конце месяца и сам поставишь. Зато и план!

Изменилась и личная жизнь Скопитонова. Он женился. Жена тоже рассказывает:

— Когда выпьет — человек как человек: все в доме приборет, ужин стоговит, белье перестирывает. А чуть протрезвеет — собака собакой: ругается, дерется..

Был у Паши Скопитонова друг-одноклассник. Он после восьми классов пошел не в профтехучилище, а пошел в ученые люди. Теперь он работал в институте против пьянки — есть такой, специальный. И этот друг прослышал про новые качества старого знакомого. И пригласил Пашу к себе в институт на опыты. Есть такие опыты: берут человека трезвого и человека выпившего и заставляют наперегонки считать числа, ходить по одной половине — измеряют реакцию. И во всех случаях выходила раньше победа трезвого, пока не связались с Пашей. Он в любом состоянии самого трезвого человека обходил по всем статьям. Вот, например, для интересу попробовали Пашу тренировать на тех самых тренажах, на которых космонавты учатся. И он такие успехи показывал, что только подносить успевали. Выходило, что нет лучше космонавта, чем Скопитонов Паша. Только как ему лететь — врач-то в Байконеуре унюхает и отстранит от полета!

Мог наш Паша после соответствующей заправки и в любом виде спорта отличиться. Еще на заводе было — стали проводить вечер зна-

комства с заводской футбольной командой, вышедшей в чемпионы. А после банкета устроили товарищескую встречу. Паша встал в ворота и ни одного мяча не пропустил. Потом футболисты просто так ему колотили — бесполезно!

Ученые из института против пьянки призадумались. Теперь ведь любой алкаш на Скопитонова сослаться может! И пить стали больше — надеются, что у них, как у Паши, все ловчее выходить будет. А выходит у одного Паши!

И тогда они сделали вот что. Они пригласили из далекого южного города знаменитого гипнотизера и велели ему вылечить Пашу. Гипнотизер и постарался.

Паша теперь леченый. Токарь он никудышный. Жена от него ушла. Товарищи его не любят. Ходит, заплетая ноги, да бухтит что-то себе под нос. Никому стал Паша не нужен. А все водка!

Вот еще врачи говорят, что у пьяниц дети плохо выходят. А вы читали про мальчика, который в двенадцать лет университет закончил и его доктором наук назначили? Читали? Так вот этот мальчик — Скопитонова Паши сын. Только у него фамилия по матери.

НЕЧЕСТНАЯ ДЕВУШКА

Часто ездя в автобусе по маршруту № 87, молодой рабочий одного из крупнейших в мире предприятий Костя Быкадоров сильно влюбился в одну девушку. Как звать девушку по имени, Костя не знал, а спросить стеснялся. Да она бы и не ответила, потому что она была сфотографирована на карточку и приклеена на маленький самодельный позорный листок под заголовком в стихах: «Они не считают нужным оплачивать проезд. Они не имеют пять копеек за проезд». На листке позорились разные люди на карточках, и вот среди них-то и находилась девушка редкой красоты и большого человеческого обаяния. Она даже не походила ни на одну артистку театра и кино, потому что была в десятки раз лучше их. Костя залюбовался на девушку и проехал свою остановку «Крупнейший завод». Возвращаясь со смены в общежитие № 6, он пропустил целый ряд автобусов, пока не дождался именно того, с позорным листком, и опять любовался. Он сначала решил отколупать карточку, но было стыдно: вдруг люди подумают, что это его девушка. Потом Костя решил: нет, наоборот, пусть как раз и думают, что у него такая девушка, и стал ее отколупывать. Это дело приметил в зеркальце шофер и начал громко срамить Костю по радио. Костя от срама покраснел и вылез на ходу.

С тех пор он всегда ездил этим автобусом, даже если ему было нужно в другую сторону. Потом листок сняли, повесили новых «позор-

ников». Но Костя девушку не забыл, часто и хорошо о ней думал. Как же это так получилось, что она не взяла билет? Она, наверное, студентка педагогического института или театрального техникума. Она задумалась о своих будущих учениках или репетировала про себя пьесу «Отелло» и позабыла заплатить пять копеек. Или, может, она иностранная девушка и не знает, что такое пять копеек, а вредная кондуктор не захотела разменять чужую денежку — фунт стерлингов. Или, может, баракляный парень-фарцовщик обманул ее и бросил одну, без пяти копеек на жизнь...

Потом они встретились. Костя быстро узнал свою любимую. Он любовался живой девушкой вплоть до ее высадки на остановке «Баня» без взятия билета. С тех пор он часто встречал ее в средствах общественного транспорта. Билетов она по-прежнему не брала, и Костя начал примечать, что под глазами у нее круги, на шее встречаются синяки поцелуйного происхождения, от девушки в целом зачастую пахнет вином и водкой, одевается она не по средствам. Нужно было что-то делать.

Костя взял фотографический аппарат и в солнечный апрельский полдень совершил с девушки снимок на пленку. Потом он напечатал снимок в количестве многих экземпляров. Фотопортреты он расклеил на листовки с надписью «У нее никогда нет пяти копеек за проезд!» Эти листовки Костя расклеивает в автобусах, в трамваях, даже в кинотеатрах. На его снимке несчастная девушка вышла еще краше, чем на прежнем позорном листке, и Костя надеется, что влюбится в нее хороший парень и поможет ей выйти на светлую, честную дорогу в жизни.

ШАГИ КОМАНДОРА

Известно, что у нынешней молодежи свободного времени хоть отбавляй. Кто его проводит так, а кто этак. Про кого я хочу рассказать, проводили время именно этак. Они, надо вам знать, жили прямо в самом городе Москве, лет им было по семнадцать—двадцать. Родители у них у всех были в длительных и ответственных командировках — развивали развивающиеся страны. Страны-то развивались согласно предначертаниям, а дети совсем в другую сторону. Приохотились пить, курить, ставить себе ненужные для здоровья уколы; навывкли и к совсем уж неподходящему для русского человека коллективному занятию, переняв его у своих зарубежных сверстников в специальных журналах.

Однажды эти распущенные молодые люди поехали с низменными намерениями на дачу. Путь их лежал мимо Выставки достижений народного хозяйства. Тут-то молодые люди и заметили величественную скульптурную группу «Рабочий и колхозница». Сейчас же в их среде за-

звучали грубые и неприличные шутки, закончившиеся тем, что заводила всей компании, высунувшись из «Волги» по пояс, громким голосом стал приглашать скульптурную группу посетить дачу и разделить с молодыми людьми их досуг. Громко посмеявшись, компания уехала за город.

Достигнув природы, молодые люди достали привезенные с собой припасы, соорудили шашлык, как следует выпили, покурили, поставили друг другу вредные уколы и совсем было начали предаваться любимому занятию, как вдруг ужасный грохот потряс капитальную дачу. Зазвенели стекла в окнах и хрусталь в серванте. Земля содрогалась от ударов нечеловеческой силы. Одурманенные алкоголем и наркотиками молодые люди все же догадались: это «Рабочий и колхозница» приняла кощунственное приглашение и теперь приближается к даче, чтобы примерно наказать юношей и девушек за их безобразное поведение. Молодые люди со страху полезли под кровати и шкафы, со многими приключились неприятности физиологического свойства, а уж о том, зачем приехали, они и думать забыли до конца жизни.

До самого утра раздавались страшные шаги. Утром же оказалось, что это один человек с соседнего дачного участка решил отстроиться, договорился со сваябойщиком. Тот прикатил на сваябойке и всю ночь закопчивал в землю сваи.

Поседевшие молодые люди разошлись в разные стороны. Теперь они даже не помышляют об антиобщественном образе жизни. Но случай на даче оставил на них еще один неизгладимый отпечаток: когда во время киносеанса на экране появляется всем известная эмблема «Мосфильма», они с громкими криками прячутся под сиденья, вызывая тем самым нареkania зрителей.

МЕЛКИХ ДЕЛ МАСТЕР

Имя Игоря Лукича Пилимонова было широко известно ограниченному контингенту людей. Иногда, правда, про Пилимонова можно было прочитать в той или иной газете под заголовком «Наследники Левши». Их, таких, как Пилимонов, по всей стране только несколько человек. Они все свободное и даже рабочее время мастерят всякие малюсенькие вещи — когда для забавы, а когда для пользы дела. Один, например, изготовил такие хирургические инструменты, что ими можно прооперировать микроба. Ученые люди это сразу и сделали, и микроб после операции некоторое время чувствовал себя удовлетворительно. Другой умелец из макового зерна высек бюст самого писателя Паустовского. А Игорь Лукич еще в молодости положил себе выгравировать на срезе человеческого волоса полный текст карело-финского эпоса «Калевала»

с иллюстрациями и комментариями. Работа была занимательной, неторопкой; тем временем жизнь проходила мимо. Ушла и жена Пилимонова, молодая еще, сказав: «Вечно ты возишься со своими...» — и отождествила миниатюрные чудеса Игоря Лукича с погаными насекомыми.

Возможно, лет в девяносто—сто и закончил бы Пилимонов свой труд, если бы в его квартиру, а заодно и в жизнь не вошел Гелий Гелиевич Потетень, неизвестный гражданин пожилых лет. Он с порога предложил Пилимонову сейчас же прекратить зряшную трату времени и заняться стоящим делом. Гелий Гелиевич растолковал мастеру, что мечтает собрать коллекцию всех видов современного оружия. А так как настоящее оружие ему никто коллекционировать не позволит, он и решил собирать микрокопии. Нужно только, чтобы они взаправду стреляли. А гонорар посулил такой, что вечно безденежный Пилимонов ахнул.

Ахнул и принялся за работу. Поначалу шло туговато, но вот прошел месяц-другой — и затарахтели еле слышно автоматика и пулеметика, чуть погромче затюкала гаубица неслыханного в артиллерии калибра. Оружейное дело увлекло наследника Левши... Сделанная им «катуша» запросто могла натворить пожару. Потом мастера заняли совсем уж ничтожные гранаты-лимонки — их он наделал полный спичечный коробок. А потом — не прошло и года со дня заказа — на рабочем столе Пилимонова забегал маленький грозный танк.

Вдруг да пришла беда. Игорь Лукич в неполные сорок лет стал совсем плохо видеть. А когда уже не смог работать, пошел к врачам. Врачи хорошего не сказали: отслоение сетчатки. Потетень, конечно, заинтересовался, почему выполнение его заказов приостановлено. Узнав, что дело в глазах Пилимонова, Потетень обозвал всех врачей недостаточно компетентными людьми и сказал, что поможет мастеру сам, но при условии полнейшей секретности.

Гелий Гелиевич привел мастера к себе домой. Жил он, оказывается, в своем доме довоенной и дореволюционной постройки. Какая у него была обстановка, Пилимонов уже почти не видел. Хозяин положил его на диван и не велел шевелиться и дрыгаться, если станет больно. А сам стал держать Пилимонова за веки, чтобы не жмурился. Тут Игорь Лукич почувствовал, что на глазах у него начинается какое-то движение и щекотание, словно туда насыпали песку или маку. А потом стало и совсем больно, но терпения у мелких дел мастера хватало. Когда боль прошла, Пилимонов увидел, что живет его заказчик и благодетель очень хорошо посреди японского гарнитура за двадцать тысяч, где все, что хочешь. Когда Пилимонов спросил у Потетеня, откуда у него столько много денег, Потетень сообщил, что он в прошлом крупный академик и лауреат всех закрытых премий.

Благодарный Игорь Лукич принялся за дело с новой силой и рвением. На рабочем столе дело дошло не только до танков, но и до тяжелых бомбардировщиков. Начал Потетень поговаривать и о небольшом, но оперативном военном флоте. А как-то даже спросил, нельзя ли излудить маленькую атомную бомбочку — материалы он запросто достанет.

До некоторого времени Пилимонов считал Гелия Гелиевича просто за чудака, каким и сам был, конечно, и поэтому понимал, что каждый имеет право блажить по-своему. Но вот бомбочка принудила мастера усомниться. Высказать сомнения и опасения было некому — старые друзья растерялись, новые не завелись. Вот только переписывался он с одним умельцем из города Кислородска. Он написал этому мастеру. Тот и ответил, что Гелия Гелиевича знает давно, и почти все их коллеги знают, и не только знают, но и выполняют частенько разные его заказы. И что да, довольно странные заказы: он, например, изготовил недавно для Потетеня сотню парашютиков. Другие делали всякие грузовики, тягачи, бульдозеры. Оружием занимались асы вроде Пилимонова. Уж больно хорошо платит. Только один из патриархов ремесла, дед Гаврила из Тулы, отказался сотрудничать с Потетенем, но дед этот уже помер, а мог бы еще жить да жить, потому что Потетень за большие деньги лечит от всех болезней.

А потом пришло письмо от жены кислородского мастера, в котором она с прискорбием извещала, что муж ее внезапно скончался от сердца. Произошло это почему-то в приемной начальника ОБХСС. Тут Пилимонов и вовсе испугался. Сообщить бы куда следует, да вот куда только следует сообщить?

Решил разобраться сам. Подследил, когда Гелий Гелиевич вышел из дому. Не составило труда народному умельцу открыть мудреные замки. Богатую квартиру он исследовал сантиметр за сантиметром с увеличительной в руках. Позади плоского японского телевизора нашел сейф. И его мастер уговорил.

В одном отделении сейфа был целый склад. Штабелями стояли деревянные ящички с клеймами, бачочки с горючим. Боевая техника находилась в зачехленном состоянии, как бы готовясь к отправке. А в другом отделении хранилась коробка с золотым песком и драгоценными камнями...

Тут взял да и вернулся Потетень. Он все понял и принялся убивать Пилимонова. Но Пилимонов оказался помоложе и поздоровей. Тогда Потетень стал грозить мастеру полной слепотой и скоростривной смертью. Взамен Игорь Лукич обещал бить его, покуда не объяснит, что и почему. Гелий Гелиевич стал тянуть время, поглядывал на часы — близились полночь. Тут Игорь Лукич сказал, что лучше согласен сесть за компанию, но вот сейчас пойдет и заявит. Потетень потерял важный вид, начал плакать и жаловаться. В процессе плача и жалоб он убеждал

Пилимонова, что во всем этом нет ничего противозаконного, даже наоборот — обмен, который он осуществляет, со временем принесет всему прогрессивному человечеству большую пользу. Он говорил, что в мире малых величин идет своя борьба не на жизнь, а на смерть и что Пилимонов не имеет права стоять над схваткой.

Это не помогло. Тогда Потетень заявил, что если Пилимонов будет работать как следует и не соваться куда не следует, то будет пользоваться железным здоровьем и легендарным долголетием, как и сам Потетень. Пилимонов же посоветовал все это рассказать следователю. Тут что-то схватило Пилимонова за штаны. Он громко закричал и рванулся из дому. Затрещала ткань. Опомнился умелец только в своей квартире.

Утром, проходя мимо, он увидел, что возле особняка стоят «скорая помощь», милицейская и пожарная машины. По городу ходили разные слухи. Якобы врач, вскрывавший Потетеня, обнаружил, что в сердце у него взорвался как бы маленький снарядик, есть и осколки. Причина пожара была неясной. Нашли старинный паспорт, по которому выходило, что покойному было сто двадцать лет, хотя выглядел он на все шестьдесят.

В ночь после пожара Пилимонов, ловко обманув печать на двери, проник в полусгоревший дом. Сейф был пуст. Мастер зорким глазом заметил на саже следы от гусениц уехавших танков да какую-то белую пылинку. Пылинку он принес домой и рассмотрел под микроскопом, как и порванные давеча брюки. В брюки впились ничтожные тройные крючочки вроде гарпунчиков на очень прочных канатиках. Пылинка оказалась листком какой-то необыкновенной бумаги с текстом. Буквы были не наши и вообще ничьи — таких букв попросту не бывает. Разобрать можно было только подпись Гелия Гелиевича, сделанную красными чернилами.

Пилимонова покуда никто никуда не вызывал. Да он и не боится — он готов ответить, если подберут статью. Ответственности мастер не боится, а боится мастер другого: ведь стреляют где-то в кого-то его автоматика и пушечки, жгут кого-то его огнеметики, обстреливают неведомые побережья его линкорчики, летят на чьи-то головки бомбочки с его самолетиков. На чьи же головки они летят, такие маленькие и почти безопасные для человека? Не попали ли они в злые ручки — ведь недаром погиб Потетень, и мастер из города Кислородска, и, может быть, сам дед Гаврила из Тулы? Чего ждать, что еще будет?

И еще знает мастер Пилимонов: кончатся когда-нибудь пульки и снарядики, и снова обратятся к нему. И неважно, кто это будет: обыкновенный человек или неведомая воинственная мелочь. Пилимонов знает, как им ответить и что сделать. В наше время даже мелких дел мастер должен отвечать за свою работу.

К ДЕДУШКЕ

Широко раскинулась сибирская тайга как в одну, так и в другую сторону. В тайге проживали разные виды флоры и фауны. Некоторые из них были покрыты ценными породами мехов. За такими как раз и охотились охотники. Одного охотника звали Прокопий Почофир. Прокопию было за тридцать. Родители его погибли во время таежного пожара, вырастили Прокопия совсем посторонние люди. От этого, видно, вырос Прокопий нелюдимым, из тайги выходил редко, только сдать шкурки и набрать патроны и съестные припасы. Не завел ни жены, ни детей, все силы отдавал промыслу.

Как-то раз прилетел в поселок вертолет. Кроме пилотов, там сидел черненький и кучерявый человек, назвался Борей. У него под дубленкой была одета яркая футболочка с веселым личиком, картой какой-то страны и надписью: «Я уже здесь. А ты?» Этот Боря заявился к председателю промысла и показал ему очень красивую бумагу, с печатями на веревочках. В бумаге было что-то написано по-нашему, а по-русски: «Правительство Израиля, постоянно заботящееся о воссоединении семей...» и так далее... Председатель удивился и сказал, что тут живут только эвенки, русские, а также представители смешанных браков, и никаких таких потенциальных граждан государства Израиль тут нет. На что курчавый Боря возразил: один-таки есть. Когда председатель простодушно поинтересовался, кто же это гадюка такая, услышал в ответ имя Прокопия Почофира. Оказалось, отец его, Василий, был сыном ссыльного поселенца Абрама Монозона и эвенкийской девушки. Этот дедушка Абрам был тогда мелкий бундовец, а теперь, почти в столетнем возрасте, считается одним из крупнейших теоретиков сионизма и живет в Израиле. И вот, чувствуя, что вековой рубеж ему не перевалить, решил перед смертью поглядеть на далекого внука. Председателю не хотелось терять лучшего охотника, и он сказал, что Прокопий раньше весны из тайги не выйдет. Но черненький Боря возразил, что без Прокопия он не вернется, а у председателя будут очень сильные неприятности, тесно связанные со сбытом пушнины. Такой наглый был этот Боря.

В международном положении Прокопий был не силен, авторитет стариков уважал, поэтому стал собираться в дорогу. Начал готовить подарок деду: новую ижевку, мешок табаку, две бутылки спирту. Но Боря сказал, что это никакие не подарки, нужно везти дедушке меха. А поскольку много мехов везти не разрешают, велел Прокопию сшить себе из шкурок национальную одежду и в ней ехать. Кроме того, Боря велел взять все деньги — и те, что набиты были в старые унтайки, и те, что в тазике.

Народные умелицы быстро сшили Прокопию одежду из песцов и соболей, и они с Борей покинули поселок. В краевом центре Боря купил Прокопию золотые часы, перстень, помог вставить золотые зубы вместо настоящих.

Оказалось, что этот самый Израиль находится чуть ли не в Африке. В песцах и соболях было очень жарко. Хорошо, что люди, встречавшие Прокопия в аэропорту, меха с него сняли, выдали вместо них белые штаны и рубашку. А так как Боря с остатками денег перед самым отлетом потерялся, пришлось Прокопию довериться встречавшим.

Оказалось, дедушка-сионист уже помер, Прокопий поспел только на поминки. Многие из гостей умели говорить по-русски, а по-эвенкийски ну ни один. Особенно Прокопию понравилось, как что-то говорил по-своему одноглазый военный начальник, — наверно, хвалил деда. Прокопию стало скучно, он начал прихлебывать из рюмочек. К нему подошел какой-то душевный негр и через переводчика втолковал, что он тоже внук покойного, родня Прокопию. Такой родни за вечер набралось много. Прокопий пообещал, что он со всей родней честно поделится, как велит закон тайги.

Недельки через две новая родня пустила Прокопия по миру. Даже золотые зубы пришлось ему вынуть и продать. Особенно много денег уходило на виски. Оно было не крепкое, а дорогое. Прокопий стал ко всем приставать, чтобы его отправили домой, в поселок. Он выскочил из дома, побежал по городу искать советских людей и не нашел ни одного. А нашел он таких людей, которые отметили его от всей души. А когда вернулся в особняк деда пожаловаться душевному негру, тот его и на порог не пустил.

Больше Прокопия в городе Тель-Авиве никто не видел. Но в израильской армии ходят слухи, что у палестинцев объявился какой-то исключительный снайпер: выходит на дело только в холодные ночи и попадает точно в глаз...

ИСКУШЕНИЕ

По аллее парка шел к себе на работу инженер Малинников. Он никого не трогал, просто шел и шел. И увидел, что на одной скамеечке, укрывшейся в кустиках, стоит сумка. И не какая-нибудь дерюжная с портретом сомнительного певца или певицы, а хорошая, кожаная, объемистая, со множеством дополнительных кармашков. Кроме того, сумка была украшена наклейками различных зарубежных отелей. Инженер Малинников почувствовал, что устал от ходьбы на работу, и присел от-

дохнуть на ту же скамеечку, что и прекрасная сумка. Отдыхая, инженер между делом принялся размышлять, чья бы это могла быть сумка и что бы в ней могло быть. Уж, наверное, не папка с отчетами и не бутылка пива. Да и сама сумка дорого стоит.

Раньше, до встречи с сумкой, Малинников ничего чужого не брал. Поэтому он схватил сумку не сразу, а довольно долго елозил к ней по скамеечке. «Не я, так кто-нибудь другой», — подумал он и побежал сквозь кусты к выходу из парка. На ходу он начал разочаровываться в сумке из-за ее легкого веса. «И положить-то, сволочи, ничего не могут!» — возмущался он бывшими владельцами сумки. Совсем злой пришел на работу. Долго ходил по коридору, курил и сердился. А потом решил, что теперь ему уже все равно. Незаметно повыкручивал в коридоре все лампочки и побросал в сумку.

Рабочий день длинный. За этот день в сумку полетело еще много чего: две пачки писчей бумаги, куча шариковых авторучек, калькулятор, дырокол. «Не я, так кто-нибудь другой!» — успокаивал себя Малинников. И не знал жалости к казенному имуществу, не был с ним щепетилен и только удивлялся поместительности сумки. В такой сумке даже стул унести можно!

Но на этот раз уносить стул Малинников не стал, а решил унести маленькую спиртику из лаборатории. А чтобы миновать вахтера, придумал хитрость: налил спирт в бутылку из-под нарзана и идет, будто купил в буфете минерального напитка и пьет от жары. Так и прошел мимо вахтера. А как вышел со службы, припустил домой через парк, остановился у скамеечки, хотел бутылку в сумку положить. А сумка-то пустая! Мало того — у Малинникова рука с бутылкой куда-то глубже дна ушла! И тут Малинников почувствовал, что бутылку чья-то лапа у него вырывает! И совсем испугался! Испугаться-то испугался, а спиртик-то пожалел, засунул в сумку другую руку и уже двумя руками стал вырывать бутылку назад. Да лапа оказалась сильнее: она не только вырвала бутылку, она и самого Малинникова сгребла за шиворот и утащила в сумку — только ноги мелькнули. О том, куда попал Малинников, не только догадываться, но и думать страшно.

А сумка осталась стоять на скамеечке в парке. Ждет, поди, когда пойдет мимо заведующая отделом в магазине «Дефицитные товары» Герцеговина Борисовна Флор!

ВСЕ И ВСЯЧЕСКИЕ МАСКИ

В роддоме с Ниной Тужилиной произошло несчастье: родила от подлеца. Нина Тужилина собиралась из выпускниц сельской школы стать журналисткой-международницей и решила поступить в соответст-

вующий институт. «Без блата и репетитора не вздумай!» — советовали знающие люди. Блата девушка не нашла, а репетитора — так сразу. Репетитор запросто обучал английскому языку во сне у себя на квартире. Нину Тужилину, кроме английского, он обучил такому, от чего она опомнилась аж на шестом месяце, поскольку в школе про это не объясняют, если не в Прибалтике.

Матерей-одиночек много, но дело вот в чем. Дело в том, что во время родов Нина Тужилина стала кричать по-английски. Что уж она там кричала, медицинский персонал перевести не мог, но заинтересовался. Выяснилось, что происходит Нина из такой дремучей деревни, в которую с внебрачным ребенком даже по нынешним временам возвращаться страшно. Нина и не вернулась, осела в периферийном областном центре на лаборантской должности и без всякой надежды на жизнь. Она и знать не знала про свои англоязычные крики.

Она-то не знала, а Приходько знал. Ему рассказала медсестра-соседка. «Вот как!» — сказал Приходько и перечитал «Семнадцать мгновений весны». Приходько был много старше Нины Тужилиной, всякого повидал. Был во славе и власти, познал и великие неприятности, полетел вниз и занял должность заведующего первым отделом на небольшом, но очень славном заводике. «Вот оно как!» — повторил Приходько, купил букет гвоздик и пошел к Нине в комнату гостиничного типа, где она жила с мальчиком, нареченным в честь подлеца Гербертом. Приходько сделал вид, что обзавелся квартирой, завел всякие разговоры, познакомился и в конце концов предложил Нине руку и сердце. «Чего одной-то маяться?» — убеждал он. Нина вздохнула про свою зарплату и согласилась. Это, конечно, было не так быстро, но чего тянуть-то?

Приходько убил двух зайцев: женился на молоденькой и получил возможность приглядывать за иностранной шпионкой. «Вот придет к ней связной, — мечтал Приходько, — да не один. А я потихоньку-полегоньку всю сеть размотаю, сорву все и всяческие маски и куда следует представлю». Далее в мечтах его рисовалось восстановление во всей силе и славе, ордена, медали и паек в спецраспределителе, о котором он каждый раз вспоминал при виде рыбы минтая.

«Тихий человек, скромный, но уж больно занудный, — думала про Приходько Нина. — Ладно хоть не пьет, а что чудак — так кто теперь не чудак?» Это она к тому, что Приходько к ней спросонья любил обращаться по-английски. «Вот выдержка! — восхищался Приходько. — Матерущая врагиня!»

Когда Нины не было дома, Приходько внимательно осматривал ее вещи, бумаги. Швы на платьях распарывал в поисках шифров и неумело зашивал. В школе Нина стихи писала, он их читал вдоль и поперек, искал сокровище. Он-то, Приходько, хорошо помнил, как в родной рай-

онной газете напечатали стихотворение одного эмигранта о тоске по Украине. Хорошее стихотворение, только из заглавных букв выходило: «Москалив, жидив та ляхив трэба перебуты».

Иногда, расчувствовавшись от борща, потому что Нина старалась, Приходько и жалел ее. «Девка глупая, доверчивая, — думал он. — Этот гад вербанул ее и бросил... Хоть бы валюту слал, замаскированную под алименты!»

А когда серчал, враз вспоминал про английские крики: «На дурачка, думает, напала! Я не погляжу, что ты Оксфорд с Кембриджем окончил! Сорву все и всяческие маски! Компетентные органы скажут — вот верное сердце, жену не пожалел!»

Герберта, вражеское отродье, Приходько не терпел, именовал пащенком, байстрюком, суразенком, а когда бы знал французское слово «бастард», то и бастардом, несомненно, навеличивал бы.

За всяким слесарем, приходившим починить бачок, Приходько устанавливал наблюдение или поил, чтобы проболтался по пьяному делу. «Таблетки гадам дают специальные!» — сокрушался он, выпоив слесарю чекушку.

Лет через пять Приходько сообразил: «Суразенка-то для связи родили!» Стал следить за Гербертом, узнал много нового, но все это было не то.

Не гора к Магомету, так наоборот. Кожилился-кожилился, да и повез Нину с Гербертом в Москву. Но не в магазины и музеи, а гонял взад-вперед возле американского посольства. Не может быть, чтобы весточку не передала! Все трое намозолили людям глаза, их шуганули с улицы, а объяснить, в чем дело, коллегам-профессионалам Приходько не мог.

Еле дождался, когда выпроводили его на пенсию. Теперь можно было установить круглосуточное тотальное наблюдение за женой и суразенком. Еще на работе Приходько все продумал и составил скользящий план-график. План-график он положил в портфель с ценным подарком и пошел домой.

Дома было пусто. Женские и детские вещи исчезли. Никакой записки. «Где же у нее передатчик был?» — подумал Приходько, догадался и зарыдал. Объявить бы всесоюзный розыск, но на каком основании? А если повиниться про роддом, скажут: «Что же ты, сукин сын, столько лет молчал?» Да Нина, поди, уже в Ницце какой-нибудь иудины денежки проматывает...

Приходько завыл и выбежал на улицу. По улице шли два подростка-панка неопределенного пола. Символика на их одежде вплотную приближалась к фашистской. Приходько схватил кирпич и разбил панкам разноцветные их головы...

...В милиции он рассказал всю правду. И тогда решили не садить его в тюрьму, а положить его в психиатрическую больницу, чтобы лечить и вылечить. И правильно сделали. Потому что если такими верными людьми бросаться будем — пробросаемся.

МИНИСТЕРСТВО ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Павлу Карповичу Пилипчуку пришлось в жизни пройти многих славный путь, и все на ответственных должностях. Последовательно развалил сельское хозяйство, мебельное производство и точное машиностроение, он был волевым решением переброшен во вновь организованное министерство.

Министерство это возникло, когда, наконец, скрепя сердце и скрипя зубами, был признан факт уродливого явления, метко окрещенного в народе проституцией. Нашлись умы, решившие, что, коль скоро явление это существует, оно немедленно должно быть поставлено на службу высшим интересам.

«А Пашу Пилипчука поставим!» — говорили друзья Павла Карповича, обитавшие в самых что ни на есть верхах. «Он, правда, у нас проштрафился несколько раз, но ведь это-то — дело нехитрое! Это-то каждый дурак знает! Дело-то житейское!»

Начинать пришлось на пустом месте. Референт Друбецкой-заде пригласил в кабинет Пилипчука сочинения Куприна, Мопассана, Ремарка и прочую скромную литературу. Новопредставленный обществу министр долго рассматривал яркие обложки, но открыть ни одну из книг так и не решился. «Я это все прочел, когда еще пешком ходил! — заявил он референту. — Это нам не подходит. Подумаешь, Ремарк! Довольно равняться на западную технологию!»

Для министерства было специально построено двадцатипятиэтажное здание весьма символической формы. Павел Карпович пошел собирать материал к гостинице «Интурист». «Отзынь, совок!» — сказала ему первая попавшаяся красавица и назвала сумму, которую она берет в валюте. Пилипчук охнул, обрадовался, и, не теряя времени, истратил на красавицу все выданные министерству доллары. При этом он не уставал охать, присвистывать и пользоваться персональным компьютером, что красавицу весьма раздражало. Наконец на дисплее показалась цифра прибыли столь высокая, что Павел Карпович, не покидая красавицы, телефонировал цифру в вышестоящие органы.

Там тоже охнули и отпустили на первое обзаведение кредиты, потребные для строительства одного авианосца, двух театров, четырех стадионов и музея восковых фигур на полмиллиона голов. «Я поверну эти денежные реки в государственный карман!» — публично заявил Пилип-

чук и установил себе неслыханный в истории оклад в швейцарских франках. «Хоть пожить по-людски!» — думал про себя Павел Карпович.

По всей стране независимо от региональных и национальных особенностей было заложено две тысячи пятьсот... долго думали, как окрестить объекты. Старое название никуда не годилось. «Паблик хауз» по-английски — это простая пивнушка, можно дезориентировать иностранцев. К тому же многие библиотеки у нас носят название «публичных», но это вовсе не значит, что их сотрудницы готовы разделить свой пламень с любым читателем. Друбецкой-заде зарылся в историю и через некоторое время вылез оттуда со словом «вертеп». Закипела была работа на объектах «Главвертепстроя», «Востсибвертепстроя», «Дальвертепстроя», но ненадолго — никто не знал, на что должен походить вертеп: на больницу, дискотеку или площадку для откорма молодняка.

Строительная программа решительно провалилась. Павел Карпович кинулся за консультацией к давешней красавице. «Да я хату снимаю на Кутузовском!» — похвасталась красавица. Пилипчук завысил сулимую цифру прибыли и добился выделения на нужды министерства большого числа вновь построенных жилых домов. Но возникли финансовые органы: а как вы контроль будете осуществлять? Кто знает, чем будут заниматься ваши сотрудницы там, за закрытыми дверями? Так-то печетесь о государственной копеечке? Павел Карпович велел ломать к чертовой матери двери и перегородки, чтобы все было на виду и под контролем, а посередине — будка мастера.

Наконец все было готово, лампочки вкручены, занавесочки навешаны, даже водопровод частенько действовал. Но первая же комиссия отметила и указала на отсутствие наглядной агитации. Павел же Карпович, вместо того чтобы наврезать картинок из любимого «Плэйбоя», распорядился вывесить обязательства, скользящие план-графики их выполнения, санбюллетень и Доску почета. Со скрипом стали внедрять бригадный подряд.

Только через три месяца после официального, с телевидением и Пугачевой, открытия, первые сотрудницы, заливаясь девическим румянцем, переступили порог первого заведения. Оттрубив с восьми до семнадцати первую рабочую неделю и не дождавшись ни одного клиента, российские путаны возобновили прежний промысел в нерабочее время. Впрочем, несколько подвыпивших личностей пытались было навестить вертеп, но дежурный милицейский наряд живо наладил их в вытрезвитель.

Еще хуже обстояло дело с кадрами на местах. Направляемые туда столичные специалистки неизменно попадали в номенклатуру, а местные еще не могли преодолеть жгучего провинциального стыда. Пришлось прибегнуть к оргнабору, ввести дополнительные льготы: бесплат-

ное питание и обмундирование, состоявшее из черного бушлата, черной сиротской шапки и черных же сапог-чулок за три рубля. На бесплатное налетели вокзальные побродяжки; в качестве же клиентов являлись через окно их прежние друзья, с которых никакого навару. Через окно — потому что для посещения вертепа требовался паспорт, автобиография и анкета из девяноста шести пунктов, справка с места жительства и о зоровые жены, а ничего этого у бичей не было сроду.

Экспериментальный молодежный вертеп «Зорюшка» поначалу пользовался успехом, потому что там играла знаменитая рок-группа «Бляха-муха». Но в один прекрасный день туда явились несколько молодых людей, отслуживших в Афганистане, в считанные минуты разгромили вертеп, настыдили девиц и набили рожи бляхам-мухам. Развалины вертепа еще долго пользовались дурной славой.

Павел Карпович еще махал перед носом руководства вождеденной цифрой, но на него уже начали поглядывать с неудовольствием. В третий раз кинулся Филипчук к красавице. «Ладно уж, малахольный!» — сжалилась она и свистнула боевых подруг. Потребовав для себя кучи льгот и отмены бюрократических рогаток, путаны столицы организовали образцово-показательный вертеп, который отличался от провинциальных, как «Березка» от вологодского сельпо. В книге посетителя появился восторженный отзыв стодвадцатилетнего американского миллиардера, ставшего еще большим другом нашей страны. Был проведен даже телемост с коллегами из Сан-Франциско, причем наши девицы были необыкновенно сильны в идеологии. Но даже если патриотически настроенные за валюту путаны работали бы по двадцать четыре часа в сутки, это не могло, конечно, покрыть убытков на местах.

А тут еще как на грех одна известная журналистка ненадолго сменила профессию и разразилась в «Литературке» гневной статьей. В статье она как женщина, мать, жена и любовница нелицеприятно указала на то, что вертепы работают в неудобное для трудящихся время, персонал разворовывает импортные контрацептивы, в буфетах нахально торгуют спиртным с бешеной наценкой, белье, как и в поездах, постоянно влажное, повсюду антисанитария и самый настоящий разврат! «Представьте себе, — писала журналистка, — некоторые из этих мужчин и женщин видели друг друга впервые!» Все грехи, как всегда, были свалены на школу, комсомол и буржуазную идеологию.

Возникший на горизонте СПИД окончательно решил судьбу министерства...

Пожалела Павла Карповича только верная красавица из-под «Интуриста». «Чего там, прокормлю как-нибудь тебя, позорника!» — сказала она. И кормит до сих пор.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От составителя	3
Соловьи поют, заливаются	5
Превращение II	12
Портрет Дориана Грея II	14
Соль II	16
Дурной глаз	18
Желание славы	20
Сказка о передовом опыте	21
Размножение документов	22
Болезнь	24
Золото	27
Племяш	29
Красные помидоры	30
Вред	32
Нечестная девушка	33
Шаги командора	34
Мелких дел мастер	35
К бабушке	39
Искушение	40
Все и всяческие маски	41
Министерство легкого поведения	44

УСПЕНСКИЙ Михаил Глебович
ИЗ ЗАПИСОК СЕМЕНА КОРЯБЕДЫ

Рассказы

Редактор Г. А. Елин

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 14.12.89. Подписано к печати 14.02.90. А 00236. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,10. Тираж 150000 экз. Зак. № 1669. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.